
Эрина Дарк
Хлеб, корица и мертвый свет

Эрина Дарк

Хлеб, корица и мёртвый свет

«Автор»
2026

Дарк Э.

Хлеб, корица и мёртвый свет / Э. Дарк — «Автор», 2026

«настоящий маг не боится чужого мира».В промзоне находят тело, растерзанное чем-то неестественным. На бетоне — следы древнего ритуала. В городе снова появляется Книга: она приходит сама, без адресата, и обещает силу тем, кто готов распахнуть дверь туда, куда нельзя смотреть.Мина работает пекарем в маленькой кухоньке гипермаркета и больше всего хочет обычной жизни. Но её дар не умеет молчать: лампочки лопаются, воздух леденеет, а магия вырывается наружу в самые неподходящие моменты.Когда смерть на складе оказывается только началом, а реальность начинает трещать по швам, Мина оказывается ближе к происходящему, чем хотела бы. Старый друг слишком рьяно интересуется её способностями. Новый сосед хранит больше секретов, чем говорит. А где-то в городе растёт дыра, через которую в мир уже смотрит нечто чужое.Книга исчезла.Но она обязательно выберет следующего.

© Дарк Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 13
Глава 2 21
Глава 3 29
Глава 4 37
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Хлеб, корица и мёртвый свет

Пролог

В библиотеке пахло пылью, старым клеем и остывшей бумагой.

Под потолком тихо потрескивали длинные лампы дневного света. Неисправный дроссель, старая проводка, дешёвый ремонт — что угодно, только не знак. В таких местах всё списывали на возраст здания: скрип паркета, дрожание света, внезапный холод между стеллажами.

Стеллажи уходили в глубину зала тёмными рядами. Между ними стояла та особенная тишина, какая бывает лишь там, где слова спят на полках и никому не мешают.

Он шёл без цели.

Руки в карманах куртки сжимались и разжимались сами собой — привычка последних месяцев. Долги. Просроченные платежи. Разговоры, после которых хотелось вымыть лицо холодной водой. Обещания, данные слишком легко и сорванные слишком быстро. И глухое, въевшееся под кожу чувство, что жизнь свернула не туда, а карты, чтобы вернуться, ему не выдали.

Магию он не искал.

Она была его работой, его ярмом, его единственным козырем — и она же ни разу не помогла выбраться из того дерьма, в которое он сам себя загнал. Дар не делал человека счастливее. Дар просто добавлял к обычным ошибкам цену, которую приходилось платить телом.

В библиотеку пришёл, потому что больше некуда было идти.

Здесь тепло. Бесплатно. И никто не смотрит с тем особым выражением, какое появляется у людей, когда они чуют неудачника.

За спиной раздался глухой удар.

Пришлось обернуться.

В проходе между стеллажами лежала книга.

Тёмный переплёт. Потёртые углы. Стёртые символы на корешке — ни буквы, ни цифры, а что-то старое, выведенное когда-то уверенной рукой и почти съеденное временем. Полка над ней стояла забитая плотно: ни щели, ни свободного места, откуда том мог бы выпасть.

Он оглянулся.

Никого.

Только гул ламп и библиотечная тишина.

Книга лежала так, будто её положили специально для него. Будто ждала, пока он пройдёт мимо.

Наклонился и поднял.

Обложка оказалась тёплой.

Не нагретой батареей, не согретой чужими руками — тёплой изнутри, сухим глубинным теплом, будто где-то далеко под кожей переплёта тлел уголь. От страниц тянуло запахом пыли, старого подвала и чего-то сладковато-железного, еле заметного, но упрямого.

Раскрыл книгу.

Бумага — желтоватая, плотная, не истлевшая. Шрифт менялся от страницы к странице: то печатный, то рукописный, то угловатый и чужой, будто текст переписывали разные люди в разные века. На полях темнели заметки — мелкие, убористые, оставленные разными руками на разных языках.

Он прочёл две строки, смысла не уловил.

Но внутри что-то сдвинулось.

Не мысль. Не догадка.

Словно в груди провернулся ключ, который он давно считал потерянным.

Захлопнул книгу.

Полка перед ним по-прежнему была забита до отказа. Поставить том обратно некуда. Разве что втиснуть силой между каталогом промышленных предприятий и потрёпанным справочником по геодезии. Эта книга здесь всё равно была чужой.

Библиотекарша у входа не подняла головы, когда он проходил мимо.

Книга легла в сумку.

Сумка оттянула плечо.

На улице моросил дождь — мелкий, косой, почти невидимый в свете фонарей. Пахло мокрым асфальтом, железом остановок и поздней осенью. Он шёл домой, а две строки с полей всплывали в голове сами, без его разрешения.

Даже не слова.

Крючки.

Квартира встретила тишиной и спёртым воздухом. Три дня без открытых окон делали своё дело. В коридоре горела тусклая лампочка без плафона, на кухне капал кран. Куртка полетела на стул. Сумка легла на стол.

Книга вышла на свет.

При домашней лампе переплёт оказался тёмно-коричневым, почти чёрным, с разводами старых подпалин. Углы стёрты до картона. На корешке проступали три или четыре символа, остальные угадывались лишь по остаткам тиснения.

Палец скользнул по ним.

Кожа переплёта отозвалась сухим теплом.

Страницы открылись сами — или просто легли так легко, будто их уже открывали много раз.

Запах ударил гуще, чем в библиотеке: старая бумага, пыль, а под ними — сладковатая гнильца и отчётливое железо. Не кровь. Скорее вещь слишком долго лежала рядом с тем, что когда-то было живым.

Текст скакал.

Латынь сменялась чем-то похожим на старофранцузский, затем шли символы без алфавита и названия. На полях темнели пометки на русском — разные почерки, разные времена, одна и та же нервная жадность.

Одна строка оказалась подчёркнута дважды.

Губы произнесли её раньше, чем мозг успел отдать приказ.

Холод обжёг рот.

Лампа мигнула.

Он отшатнулся, но книгу не закрыл. Взгляд упёрся в страницу. Строчки на ней сдвинулись — не доказать, однако тело знало точно: текст изменился. Так меняется комната, когда из неё кто-то выходит, хотя все вещи остаются на местах.

Книга захлопнулась.

Ладонь легла на обложку и почувствовала под кожей переплёта пульс.

Медленный.

Чужой.

Совсем не метафора.

В квартире стало тихо. Даже кран будто перестал капать.

Когда книга открылась снова, заметки на полях сделались длиннее. И одна, будто только что высохшая, заканчивалась фразой:

«…и страх — единственное, что держит дверь закрытой».

Первую ночь он не спал.

Вовсе не потому, что боялся. Страх пришёл позже, когда было уже поздно.

Сначала накатила ясность.

Редкая, почти болезненная ясность человека, которому наконец объяснили устройство мира. Сидел за столом в старой футболке и джинсах, пил остывший чай, забывал моргать и смотрел, как книга раскрывает перед ним даже не знания — возможность.

Текст больше не казался бессвязным.

Он понимал языки, которых не знал. Узнавал символы, которых никогда не видел. Схемы ложились в голову целиком, минуя разум, как вода просачивается в подвал: медленно, бесшумно, не спрашивая разрешения.

На полях проступали фразы.

«Настоящий маг не боится чужого мира».

«Страх — это замок. Сломай его, и дверь откроется сама».

«За гранью нет смерти. Есть только сила, которая ждёт».

Книга не обещала могущества.

В этом и заключалась её главная мерзость.

Она не льстила, не уговаривала, не называла его избранным. Просто сообщала факты — сухо, подробно, с ледяной щедростью. И каждый факт ложился в голову, как кирпич в стену.

К утру он знал достаточно.

Знал, что за гранью живут вовсе не боги и не демоны, а нечто, у чего нет имени ни в одном человеческом языке. Знал, что некоторые ведьмаки пытались открывать проходы. Знал, что возвращались далеко не все. А те, кто возвращался, уже не вполне принадлежали этому миру.

Знал, что страх действительно держит дверь закрытой.

И что это не образ, а механизм.

Ближе к рассвету нашёл схему.

Угловатый круг, будто прочерченный сломанной спичкой. Четыре точки по краям. Символы, которые не должны были умещаться на бумаге, но умещались. Он смотрел и понимал без пояснений: здесь нужна кровь, здесь железо, здесь пепел, здесь слово.

Слово подчеркнули трижды.

Его нельзя было произносить в закрытом помещении.

Он прочитал предупреждение и улыбнулся.

Не потому, что сделалось смешно.

Потому что впервые за долгие месяцы внутри не было пустоты.

В шесть утра за окном посерело. Дождь стих. Откинувшись на спинку стула, он провёл ладонями по лицу. Глаза саднило. Во рту стоял металлический привкус, будто всю ночь держал на языке монету.

Где-то на краю сознания мелькнула нормальная, человеческая мысль: надо бы поесть. Надо бы поспать. Надо бы закрыть книгу и никому о ней не рассказывать.

Вместо этого потянулся за ручкой и начал перерисовывать схему на старый конверт.

Рука двигалась сама.

Две недели спустя он встретился с другом в забегаловке на углу Второй Советской и проспекта — грязноватой, дешёвой, где пахло прогорклым маслом, мокрой одеждой и пивом, которое не спрашивают, а просто ставят на стол.

Друг опоздал на полчаса.

Вошёл, стряхивая дождь с воротника, кинул ключи на стол, заказал две кружки и только потом посмотрел на него внимательно.

— Ты как? Выглядишь дерьмово.

— Не спал, — ответил он.

Это было правдой.

Последние две недели сон стал враждебной территорией. Стоило закрыть глаза — перед веками вспыхивали символы, схемы, строки на неизвестном языке, который он теперь понимал

без перевода. Он выучил книгу. Не прочитал — именно выучил, как учат карту перед дорогой, с которой можно не вернуться.

Разговор сначала шёл ни о чём: общие знакомые, рост цен, чья-то машина, которую эвакуировали от офиса. Слушал вполуха. Мысли занимал склад на окраине, присмотренный три дня назад. Железо. Пепел. Кровь. Слово.

Когда пауза затянулась, сказал — небрежно, будто о пустяке:

— Я книгу нашёл.

Друг поднял бровь.

— Ты? Книгу? В библиотеку записался?

— Она сама меня нашла. Упала с полки. Прямо под ноги.

Он говорил и чувствовал, как внутри отпускает. Слова лились легко, охотно, с тем особым возбуждением, какое бывает, когда слишком долго носишь тайну один и наконец вытаскиваешь её на свет.

Рассказал про тёмный переплёт, про стёртые символы, про заметки на полях. Про схемы. Про ритуал.

Не всё.

Только то, что можно было принять за байку.

Однако даже этого хватило, чтобы друг перестал жевать и отодвинул кружку.

— Подожди. Ты серьёзно? Старый сборник? Настоящий?

— Похоже на то.

— И что там?

— То, что работает.

Последние слова он произнёс тише, наклонившись над столом. В забегаловке гремела музыка, кто-то смеялся у стойки, но между ними вдруг возникла плотная, ватная тишина.

Друг откинулся на спинку стула. По лицу пробежало что-то неуверенное: тревога, любопытство, зависть. Он не разобрал. Да и не хотел.

— Слушай, — произнёс друг, — ты это… поосторожнее. Звучит как та дрянь, про которую байки ходят.

— Байки?

— Ну да. Говорят, есть такая книга. Приходит сама. Показывает, что хочешь увидеть. А потом хозяин исчезает.

Он усмехнулся.

— Я не исчезну.

Сказал спокойно.

И сам поверил.

Друг больше не спорил. Допили молча. Когда поднялись, друг хлопнул его по плечу и бросил что-то вроде «удачи, что ли». Прозвучало неуверенно.

Разошлись на углу.

Дождь кончился, но воздух оставался сырым и тяжёлым. Он шёл к метро, перебирая в голове список якорей. Сзади, из приоткрытой двери забегаловки, тянуло маслом и пивом. Впереди горел жёлтый свет фонарей.

Он не знал, что через неделю друг окажется в кабинете у одного юриста — по вопросу наследства, которое никак не могли поделить.

И что за чашкой кофе, между делом, разговор свернёт в сторону.

«У меня тут знакомый одну книгу нашёл…»

Юрист запомнит каждое слово.

Склад отыскался через три дня.

Старая промзона на окраине: ржавые ангары, битый кирпич, бетонные плиты, поросшие мхом. Место, куда не заходили даже бродяги. Сторож на въезде спал в будке, ворота оказались прикрыты неплотно — хватило одного толчка плечом.

Внутри пахло машинным маслом, мокрой штукатуркой и чем-то кислым. Под высоким потолком темнели балки. Свет проходил сквозь грязные окна под самой крышей — серый, процеженный, достаточный, чтобы не споткнуться.

Сумка опустилась на бетонный пол.

Книга вышла наружу.

На странице, заложенной старым конвертом, темнела схема круга. За две недели она въелась в память до последней линии, но он всё равно сверился — провёл пальцем по угловатым символам, беззвучно повторил последовательность.

Четыре якоря.

Кровь.

Железо.

Слово.

Пепел.

Горсть пепла от дерева, в которое ударила молния. Где брать такое в городе, он сначала не знал. Пришлось ехать за старую линию электропередач, где после прошлогодней грозы остался расщеплённый ствол. Пепел собрал в жестяную банку из-под чая. Теперь банка стояла в сумке, и от неё тянуло гарью, сколько ни закрывай крышку.

Железо нашлось здесь же — арматурный штырь из груды строительного мусора.

Кровь была его собственной.

Слово ждало.

Мел крошился, пальцы стали белыми, линия выходила неровной, но схема требовала не красоты — точности. Символы он выводил по памяти, сверяясь с книгой только на развилках. Книга лежала рядом, открытая, и от её страниц поднимался холод — уже знакомый, почти родной.

Руны на левой руке, нанесённые ещё дома, начинали зудеть. Значит, контур ложился правильно.

Через час всё было готово.

Круг.

Символы.

Четыре якоря по краям: штырь на севере, банка с пеплом на востоке, кровь на юге, место для слова на западе. В центре стояла старая консервная банка с водой — проводник, как требовала схема.

Книга больше не подсказывала.

Страницы, которые ещё вчера пестрели заметками, теперь были почти чисты. Только схема, символы и последовательность.

Ни слова о том, что делать, если что-то пойдёт не так.

Или же о том, как закрыть проход.

Он заметил это.

Заметил — и отбросил.

Настоящий маг не боится чужого мира.

Встал в центр круга. Левый рукав закатан, ладонь саднила от надреза. Правой рукой сжимал мел — на всякий случай, хотя дорисовывать было уже нечего.

Склад молчал.

Ни скрипа балок, ни шороха под крышей, ни ветра в разбитых окнах. Пыль в сером свете висела неподвижно, будто само время сделалось гуще и тяжелее.

Он поднёс руку к банке с водой.

Капля крови сорвалась с ладони и ушла на дно.

Вода на секунду стала розовой.

Железный штырь на севере дрогнул сам, без прикосновения.

Воздух над кругом начал меняться. Потерял плотность, сделался разряженным, как на высоте. В ушах зашумело. Банка с пеплом тихо звякнула о бетон.

Облизнул губы.

Язык оказался сухим и чужим.

Пора.

Первое слово он произнёс на выдохе — и воздух над кругом пошёл рябью.

Не как над костром. Иначе.

Будто сама реальность на секунду потеряла жёсткость и прогнулась под тяжестью звука. Символы на бетоне вспыхнули холодом, ударили в лицо, перехватили дыхание.

Устоял.

Второе слово легло на язык тяжелее. Губы едва справились — звук вышел сдавленным, гортанным, чужим. Штырь на севере загудел низко и протяжно, как трансформатор перед скачком напряжения. Банка с пеплом подпрыгнула и затихла.

Кровь в воде растеклась тонкими нитями.

Вода начала темнеть.

Не от крови.

От чего-то, что поднималось со дна.

Между якорями проступила линия. Сначала едва заметная — как царапина на стекле. Потом глубже. Соединяла штырь, пепел, кровь и пустое место на западе, где ещё не прозвучало последнее слово.

Круг замыкался сам.

И вот только тогда ему стало страшно.

Взгляд упал на книгу.

Она лежала у края круга, и страницы медленно переворачивались одна за другой. Текст на них уже не был буквами. Превратился в чёрные полосы, которые двигались, как муравьи, перестраиваясь в новый узор.

Третье слово, замешкался на секунду. Мотнул головой, зажмурился с сидой и решительно открыл глаза. Выкрикнул слово.

Воздух лопнул.

В центре круга, над банкой с водой, возникла трещина.

Не в бетоне.

В пространстве.

Висела перед ним, рваная, неровная, как разрез на старой ткани, и края её дышали. Из трещины потянуло холодом — могильным. Запах гнили, сырости и железа ударил в ноздри.

Он засмеялся.

Коротко, сухо, с облегчением.

Получилось.

Хтонь вышла без звука.

Сначала край — сгусток тени, не привязанный ни к одному предмету. Потом масса, перетекающая через разрыв, как дым, как смола, как то, для чего человеческий глаз не придумал формы. Менялась слишком быстро: щупальце, конечность, пасть, провал, всё вместе и ничего из этого.

Попятился.

Колени ослабли.

Рука сама потянулась к книге — но книга уже не была нужна.

Тварь дышала.

Он чувствовал это дыхание кожей: влажное, тёплое, с тошнотворной лаской. Она не нападала. Разглядывала его — или пробовала на вкус расстояние между ними.

Вскинул руку с рунами и выкрикнул формулу подчинения.

Ничего не произошло.

Тварь шевельнулась — и стала больше.

Трещина за её спиной расширилась, пошла в стороны, вверх, вниз, и теперь это был уже не разрыв, а проход. Оттуда тянуло даже не холодом.

Пустотой.

Голодной, древней, слепой.

Он понял.

Книга дала открыть дверь.

Закрыть её он не умел.

Руны на левой руке погасли.

Мел в пальцах раскрошился в пыль.

Стоял в центре круга, который сам начертил, и смотрел, как тьма переваливается через линию символов, не замечая их, стирая, гася, делая смешными все его приготовления.

Последнее, что увидел ясно, — книгу.

Она захлопнулась сама собой. Тусклое тиснение на обложке на миг блеснуло в сером свете склада.

А потом книга исчезла.

Не растворилась в дыму. Не было вспышки. Она не провалилась сквозь бетон. Исчезла.

Потом пришла боль.

Вздрогнул, обернулся, но это было не его.

Это был мир.

Будто кто-то вырвал кусок реальности и оставил здесь, на грязном бетоне, среди ржавых балок и битого кирпича, рану, которая не могла зарасти.

Тишина вернулась на склад не сразу.

Сначала раздался звук — влажный, чавкающий, невозможный, — и длился он дольше, чем любой крик. Когда стих, осталось только эхо, застрявшее под высокими балками, да слабый скрежет остывающего металла.

Круг на бетоне был разорван.

Мел втоптан в пыль. Символы перечёркнуты широкой полосой, будто что-то тяжёлое протащили через центр. Штырь лежал на боку, погнутый, с каплями росы на ржавой поверхности. Банка с пеплом опрокинулась, серый порошок смешался с грязью.

Вода из консервной банки исчезла.

Ни лужи.

Ни мокрого следа.

Разрыв остался.

Висел в воздухе на высоте человеческого роста — рваная дыра с оплавленными краями, из которой сочился холод и запах. Рана в самой ткани мира.

И она дышала.

Там, где лежала книга, темнел прямоугольный след — чистый, нетронутый, будто пыль и грязь обошли это место стороной. Самого фолианта не было. Ни на алтаре, ни под опрокинутым штырём, ни в тёмных углах, куда добивал серый свет.

Книга исчезла.

Бесследно.

Беззвучно.

Не оставив ни обугленной страницы, ни кожаной застёжки, ни единого доказательства того, что была здесь.

За стенами склада город жил своей жизнью. Где-то далеко гудела магистраль, выла сигнализация, скрипели тормоза трамвая. Ветер гнал по асфальту мокрые листья. Начинался дождь — мелкий, затяжной, октябрьский.

Внутри было тихо.

Только разрыв в центре круга пульсировал, как открытая рана, которую некому зашить.

Тьма внутри него шевелилась медленно, сонно.

Пока ещё не голодная.

Пока.

Утренняя смена в гипермаркете начиналась в семь.

Грузчики вкатывали тележки с молоком и хлебом. Охранник у служебного входа зевал в кулак. Администратор зала — высокая темноволосая женщина с яркой помадой — быстро шла по рядам с планшетом, отмечая выкладку.

В торговом зале пахло пластиком упаковок, влажными куртками покупателей и свежей типографской краской ценников.

А за глухой стеной, в маленькой кухоньке, куда покупатели не заходили, пахло иначе.

Дрожжами.

Корицей.

Тёплым хлебом.

Мина стояла у стола, присыпанного мукой, и месила тесто. Руки двигались сами — привычно, размеренно, без суеты. На подоконнике остывал противень с готовыми слойками. В углу тихо гудела печь.

Лампочка над головой мигнула.

Раз.

Другой.

Мина замерла.

Секунда.

Ещё одна.

Свет выровнялся.

Выдохнула и снова опустила ладони в тесто.

В гипермаркете начинался обычный день. Город за стенами жил своей жизнью: пробки, дождь, новости в телефонах, очередь за кофе у входа.

О том, что на старом складе в промзоне что-то шевелится в темноте, пока не знал никто.

Глава 1

В кухоньке пахло дрожжами и корицей.

Этот запах держался здесь всегда — въедался в деревянные разделочные столы, в ткань фартуков, в волосы, в тёплый воздух под потолком. Мина любила его. Он был настоящим. Не то что магия: та пахла озоном, холодом и палёной проводкой. А здесь — хлеб. Тёплый, живой, понятный.

Она ссыпала муку на стол — белую горку, прохладную на ощупь. Сделала углубление в центре, разбила яйцо, плеснула воды. Пальцы погрузились в тесто и начали месить: привычно, размеренно. Тело помнило ритм лучше головы.

За стеной гудел гипермаркет.

Кассы пиликали. Тележки стучали по плитке. Женский голос по громкой связи просил администратора подойти в отдел молочной продукции. Всё это доносилось приглушённо, будто из-под воды. Здесь, в кухоньке, существовал другой мир — маленький, жаркий, подчинённый таймерам и тесту, которое не любит спешки.

Мина обернулась за скалкой.

Не успела коснуться — та дёрнулась по столу и ударила ручкой ей в пальцы.

Не больно, достаточно, чтобы она замерла.

Медленно посмотрела на дверь. Никого. Только гул печи, пар от кипящего чайника и приглушённый шум торгового зала за стеной.

Вздохнула — коротко, почти обречённо.

Положила скалку на место.

Взяла снова.

Руками.

Такое случалось не каждый день, но достаточно часто, чтобы она перестала удивляться. Иногда вещи рядом с ней забывали, что должны подчиняться законам физики. Ложка прилипала к ладони. Дверца шкафа открывалась сама. Лампочка мигала в такт пульсу. Мелочи. Ничего страшного, если смотреть со стороны. Главное избегать стресса или сильных потрясений.

Из этих мелочей состояла вся её жизнь.

Раскатала тесто. Вырезала кружки формой. Разложила на противне, смазала яйцом, присыпала корицей. Поставила в печь, захлопнула дверцу и только тогда позволила себе выпрямиться.

Таймер затикал.

На подоконнике остывали готовые слойки. За окном в торговом зале висело серое небо; антенны торчали над крышами, голуби топтались на карнизе, похожие на мокрые комки пепла. Обычный день. Мина вытерла руки о фартук и потянулась за кружкой. Чай был дешёвый, пакетированный, но горячий — иногда этого хватало, чтобы ещё немного не развалиться.

Таймер пискнул.

Сдёрнув прихватку с крючка, она открыла печь. Жар ударил в лицо, заставил зажмуриться. Противень выскользнул легко: слойки поднялись ровно, корочка золотилась, корица темнела по краям аккуратными пятнами.

Поставила противень на решётку и уже потянулась за второй партией, когда над головой что-то треснуло.

Мина замерла.

Мелкие осколки посыпались на стол, на муку, на разделочную доску. Один упал в чай, но кружка даже не дрогнула.

Лампочка над головой лопнула.

Теперь из цоколя торчал рваный край стекла. Свет погас. В кухоньке стало темнее на треть, оставшиеся лампы горели тускло, и углы сразу наполнились тенями.

Мина вздохнула, устало, досадливо.

Посмотрела на цоколь лампочки, поморщилась.

Перевела взгляд стеклянную крошку, рассыпанную по столу, по тесту, по рукаву футболки. В носу защипало — от той особой смеси злости и усталости, которая накатывала каждый раз, когда дар напоминал о себе.

Где-то в торговом зале женский голос по громкой связи продолжал монотонно перечислять акции. Кассирша смеялась чему-то. Тележка простучала по плитке.

Мир не останавливался из-за того, что у Мины опять что-то пошло не так.

Стянула прихватку, бросив ее на столешницу где не было осколков, Прикрыла глаза на мгновение, выдохнула медленно. Открыла глаза и решительно взяла веник.

Стекло скрипело под щетиной. Каждый осколок издавал этот звук — острый, неприятный, — и каждый был её виной. Не злого начальника, который с утра сорвался из-за недовоза. Не усталости после четырёх часов сна или старой проводки.

Её.

Собственной магии, которая жила под кожей, как заноза, и выбирала самые неподходящие моменты, чтобы рвануть наружу. И ведь она сегодня даже не злилась, не было вспышек эмоций, но лампочка все равно треснула.

Высыпала осколки в мусорное ведро. Вытерла стол, где были осколки. Тряпку выкинула без сожалений, позволив себе это маленькое чувство злости. Купит новую позже. Сделала глубокий вдох. Сняла футболку — на рукаве осталась микроскопическая дырочка от стекла. Переоделась в запасную, висевшую на крючке у двери.

Таймер на второй печи ещё тикал.

Тесто пришлось тоже выкинуть. Вдруг осколки.

Работа не кончалась.

Подняла голову. В цоколе над ней темнела пустота.

— Старая лампочка, — сказала вслух.

Голос прозвучал ровно.

Почти убедительно.

Никто не ответил. Только гул печи и далёкий шум торгового зала.

Дверь открылась без стука.

Алиса стояла на пороге, уперев локоть в дверной косяк. Тёмные волосы собраны в высокий хвост, стрелки подведены ровно, помада — красная, которую Мина узнавала издалека. Планшет под мышкой. Взгляд быстрый, цепкий, уже пробежался по кухоньке: пустой цоколь над головой, веник у стены, запасная футболка на Мине, тесто в мусорном ведре.

— Опять?

— Лампочка, — повторила Мина. — Старая.

— Ага. А поднос?

Мина проследила за её взглядом.

Металлический поднос лежал на полу у дальнего стола. Она даже не заметила, когда он упал. А может и не упал. Вдруг сама уронила, когда тянулась за веником. Разум не верил, звука падения не было.

— Неуклюжая, — упрямо сказала Мина.

Алиса хмыкнула.

Вошла, прикрыла за собой дверь. Каблуки простучали по плитке. Подняла поднос, поставила на стол, потом достала из кармана пиджака маленькую шоколадку и положила рядом.

— Ешь.

— Я не…

— Я не спрашивала. Уверена, ты с утра ещё не ела.

— Я пила чай.

— Это не еда, ты время видела? Позже сходишь и нормально поешь, — Алиса возмущённо указала на шоколадку.

Мина улыбнулась, взяла шоколадку, развернула, откусила. Тело сразу вспомнило на сколько голодное.

Алиса тем временем достала телефон, пролистнула что-то, нахмурилась.

— Ты новости видела?

— Какие?

— Мужика какого-то нашли. На окраине. Говорят, страшное что-то.

Мина пожала плечами.

Ей не было дела до новостей. У неё тут лампочки взрывались, подносы летали, тесто подходило. Городские ужасы жили где-то там, далеко, за стенами гипермаркета, в лентах, пабликах и чужих разговорах.

Алиса убрала телефон, поправила хвост и ещё раз оглядела кухоньку — теперь уже похозяйски, оценивая фронт работ.

— Лампочку я закажу. Поднос спишем. Начальству — старая проводка. Охране…— Задумалась, — А им не обязательно знать, подойдёт и версия для начальства.

— А если спросят про грохот?

— Ой, все мы люди. Подумаешь поднос уронила. — Алиса взяла с подоконника остывшую слойку и отломила уголок. — Ты главное не ходи с таким лицом.

— С каким?

— Будто сейчас заплачешь или убьёшь кого-нибудь. Ещё не решила.

Мина фыркнула.

Смех вышел коротким и не весёлым, но это был смех — уже что-то.

Алиса доела слойку, стряхнула крошки с пальцев и направилась к двери. На пороге обернулась.

— Мина.

— Что?

— Воды выпей и что бы поела нормально.

Дверь закрылась. Каблуки простучали по коридору и стихли где-то у торгового зала.

Мина постояла секунду, глядя на закрытую дверь. Взяла кружку — чай уже остыл, — вылила в раковину и налила воды из крана.

Выпила.

Холодная вода прошла по горлу, и на секунду всё стало проще.

Таймер на второй печи пискнул.

Смена закончилась в шесть.

Мина сняла фартук, повесила на крючок у двери. Проверила печи — выключены. Противни — чистые. Тесто на завтра — в холодильнике, накрытое плёнкой. Обвела кухоньку взглядом: порядок.

Только пустой цоколь над головой напоминал об утре.

И у дальнего стола ещё поблёскивала стеклянная крошка — упрямая, почти невидимая.

Наклонилась, собрала осколок в ладонь, выбросила в ведро. Промыла хорошенько руки в раковине, вытерла об джинсы.

Всё.

Служебный выход вёл во двор гипермаркета — заставленный мусорными баками, пахнущий картоном, сыростью и мокрым асфальтом. Мина прошла мимо грузчиков, куривших у пандуса, и свернула за угол, к остановке.

На плече висела сумка. В руке — пакет, который Алиса сунула перед уходом: хлеб, молоко, пара йогуртов. Ничего особенного, но бесплатно — а это имело значение.

Автобус пришёл через семь минут.

Она села к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу. За окном проплывали мокрые улицы, витрины, светофоры, люди под зонтами. Город жил своей жизнью — суетливой, шумной, равнодушной. Мина смотрела сквозь неё.

Веки отяжелели. Она прикрыла глаза — не чтобы уснуть, а чтобы отгородиться. И перед внутренним взором, как всегда в минуты усталости, проступило детство.

Маленькая кухня. Не эта, не из гипермаркета, — домашняя, с выцветшими обоями в цветочек и краном, который вечно подтекал, если его не закрутить до упора. За окном темнело. Мама стояла у плиты, помешивая что-то в кастрюле, и деревянная ложка в её руках двигалась плавно, послушно. Мама умела слышать вещи. Старая ложка, доставшаяся от прабабки, помнила три поколения рук, и мама говорила с ней без слов — касалась, и дерево отзывалось теплом.

Отец вошёл с улицы, стряхивая землю с ботинок. От него пахло влажным чернозёмом и прелыми листьями. Его дар жил в земле — он мог заставить семя проклюнуться за ночь, и к утру на грядке уже зеленела рассада. Соседи удивлялись, качали головами: «И как у тебя так получается?» Отец разводил руками: «Поливаю хорошо».

Маленькая Мина сидела за столом и молча смотрела на осколки чашки. Та сама слетела с полки. Она даже не прикоснулась.

— Опять, — сказала мама, и в голосе её была не злость, а усталость. Глубокая, застарелая. — Мина, ну как же так? Мы же договаривались: ты постараешься не злиться.

— Я не злилась, — прошептала Мина.

— А чашка?

— Она сама.

Мама вздохнула. Провела ладонью по лицу. Села на край стула и посмотрела на дочь — не сердито, а устало, почти беспомощно.

— Как ты жить-то будешь, а? Маленькая уже всё ломаешь. А вырастешь — что тогда? — Мама вздохнула, нахмурились. — Амина, надо быть осторожнее, вдруг люди узнают!

Мина не знала, что ответить. Губы задрожали. В глазах защипало. Она изо всех сил сдерживалась, чтобы не заплакать, потому что если заплакать — лопнет ещё что-нибудь, и мама расстроится ещё сильнее.

Отец отряхнул руки от земли, подошёл и сел рядом с ней на корточки. От него пахло огородом, табаком и чем-то родным.

— Ну-ну, — сказал он тихо. — Чашка — это ерунда. Новая будет. А ты у нас одна. — Он убрал прядь с её лица, провёл большим пальцем по щеке. — Не плачь, мышка. Прорвёмся.

Мама посмотрела на них, покачала головой, но уголки губ всё-таки дрогнули.

— Ты её балуешь.

— Есть немного, — согласился отец.

Спасала бабушка. Приходила не часто, но каждый её приход Мина запоминала надолго. Бабушка была предсказательницей — тихой, спокойной, с серебряными нитями в седых волосах и руками, которые никогда не дрожали. Она не предсказывала судьбу. Она чувствовала: погоду, настроение, надвигающуюся беду. И однажды, застав Мину в слезах под столом после того, как очередная лампочка лопнула прямо над её кроваткой, бабушка не стала читать нотаций. Она опустилась на пол — медленно, потому что колени уже болели, — заглянула под стол и сказала:

— Пойдём. Покажу тебе кое-что.

И показала тесто.

Тёплое, живое, податливое. Его нельзя сломать. Нельзя разбить. Оно принимает любую форму. Можно месить, катать, мять. И оно отвечает теплом.

Сначала они делали фигурки. Забавных зверушек с кривыми ушами и пухлыми боками. Бабушка смеялась, когда у кошки получался хвост толщиной с лапу, а у зайца одно ухо торчало вверх, а другое свисало набок. Мина смеялась тоже. И впервые за долгое время лампочки в кухне горели ровно.

Первый настоящий хлеб она испекла сама. Кривой, неровный, с подгоревшей корочкой. Бабушка съела половину и сказала: «Вкусно». Но важнее было другое. Когда вечером мама вернулась с работы — уставшая, с тяжёлыми сумками, — Мина молча поставила перед ней тарелку с булочкой. Мама посмотрела на булочку. Потом на Мину. Потом отломила кусочек, положила в рот и вдруг улыбнулась — не устало, а по-настоящему.

— Сама?

— Сама.

— Вкусно, Мина.

И больше ничего не сказала. Ни про чашку. Ни про лампочку. Ни про то, как тяжело живётся с дочерью, у которой внутри живёт стихия. Съела булочку до последней крошки и погладила Мину по голове. Это было особенное чувство. Теплее хлеба. Теплее печи. Теплее всего, что она знала до этого.

Бабушки не стало рано. Мине было двенадцать. Она осталась с родителями, с их усталостью и любовью, с лампочками, которые всё ещё лопались по ночам, когда ей было страшно. Но хлеб остался с ней. И когда родители задерживались на работе допоздна, она садилась на кухне, включала духовку и месила тесто. Горячий хлеб давал тепло. Тепло давало покой. Покой давал силы ждать.

Быть пекарем для Мины было не работой. Это было единственным, что держало её на плаву все эти годы. Тёплое воспоминание. Заземление. Способ дышать, когда дар снова напоминал о себе.

Автобус тряхнуло. Мина открыла глаза. За окном проплывала её остановка. Она встала, поправила сумку на плече, взяла пакет с просрочкой. На сегодня воспоминаний хватит.

На своей остановке вышла.

Дождь кончился, асфальт блестел. В лужах отражались жёлтые окна пятиэтажек. Прошла мимо старой липы у подъезда, толкнула дверь плечом — та поддалась не сразу, как всегда, — и вошла внутрь.

В подъезде пахло сырой штукатуркой и чужим ужином. Лампочка на первом этаже мигала — не от её дара, и это радовало где-то в глубине души. Мина поднялась на третий этаж пешком: лифта в доме не было, а если бы и был, сил ждать всё равно не осталось бы.

На лестничной площадке горел тусклый свет.

И стоял человек.

Заметила его не сразу.

Сначала — тень на стене, длинная, переломленная углом от света. Потом — запах. Не похожий парфюм. Что-то другое: чистая ткань, холодный воздух, едва уловимый след дождя. Ботинки крупные, такие носили охранники в гипермаркет.

Мина подняла голову.

Он стоял у двери соседней квартиры — той, что пустовала уже месяца три. Высокий. Широкие плечи, спокойная осанка человека, и уверенность что ощущается даже на расстоянии. Тёмные волосы, короткая стрижка, чёткая линия челюсти. Над левой бровью — тонкий шрам, старый, побелевший.

В одной руке держал ключи.

Стоял и смотрел на неё спокойно. Не было того оценивающего прищура, с каким обычно смотрят на женщину в тёмном подъезде.

— Добрый день, — сказал он.

Голос оказался ниже, чем она ожидала.

Ровный.

Без суеты.

— Вечер наверное, — посмотрела в темнеющее небо за окном подъезда. — Здравствуйте. — ответила Мина.

Пакет дёрнулся в руке: пластиковая ручка врезалась в пальцы, пришлось перехватить поудобнее. Сумка сползла с плеча. Он заметил. Перевёл взгляд на пакет, потом снова на неё.

— Я Виктор, — представился он. — Ваш новый сосед.

— Амина. Можно Мина.

Ключи тихо звякнули в его ладони. Отступил на полшага, освобождая проход к её двери.

— Вы недавно переехали? — спросила, — Не видела вас раньше.

Пакет оттягивал руку.

— Да. Дня три назад.

Мина кивнула.

Достала ключи. Дверь её квартиры была в двух шагах от его — третья справа. Обычно она попадала в замок с первого раза, но сейчас пальцы скользнули, ключ ушёл мимо, и она тихо выругалась.

— Давайте пакет, — сказал Виктор.

— Я сама.

— Я вижу. Давайте.

Он стоял всё так же — на расстоянии вытянутой руки, не подходя вплотную. Ладонь была протянута. Скорее как предложение, которое можно принять или отвергнуть.

Мина отдала пакет.

Виктор взял его, и на секунду их пальцы почти соприкоснулись. Почти — потому что он убрал руку раньше, чем это стало неловким.

Ключ вошёл в замок.

Дверь открылась.

— Спасибо, — сказала она, забирая пакет обратно.

— Не за что.

Он не уходил.

Ждал, пока она зайдёт. Мина зашла в квартиру, ещё раз благодарно кивнула ему и закрыла дверь.

В прихожей было темно, но свет она не включила. Постояла секунду, прислонившись спиной к косяку. Пакет медленно сполз на пол.

В соседней квартире тихо щёлкнул замок — Виктор тоже зашёл к себе.

И только тогда Мина поняла, что всё это время в подъезде горела лампочка.

Не мигала. Не моргала.

Горела — ровно, спокойно, как положено. Хотя на ее этаже она была новая, но из-за ее дара весь подъезд считал проводку старой.

В прихожей было тихо.

Сбросила обувь — сначала левый ботинок, потом правый, — не наклоняясь, отпихнула пяткой к стене. Сумка сползла с плеча на пол. Поднимать её не стала.

Сделала пару шагов.

Лоб упёрся в холодную стену рядом с вешалкой. Обои были старые, с выпуклым рисунком, и она почувствовала его кожей — шероховатость, неровный узор, что-то настоящее, за что можно было зацепиться.

Глаза закрылись.

Плечи опустились.

Грудная клетка сжалась и медленно, нехотя, отпустила.

Простояла так минуту. Может, две.

В квартире было холодно — батареи грели вполсилы, — но Мина этого почти не замечала. Тишина звенела в ушах после целого дня гула: печи, таймеры, громкая связь, автобус, чужой смех, чужие голоса.

Теперь — ничего.

Только собственное дыхание.

За стеной, в соседней квартире, что-то глухо стукнуло. Может, упала книга. Может, передвинули стул.

Приоткрыла глаза.

Стена была тёплой от её лба.

Отлепилась от стены. Прошла на кухню, не включая свет. Над плитой горела тусклая лампочка вытяжки — хватало. Поставила пакет на стол. Замерла, глядя в тёмное окно. Там, за стеклом, горели чужие окна, и в одном из них кто-то двигался — не разобрать, мужчина или женщина.

Задёрнула штору.

Прошла в комнату, стянула джинсы, забралась под плед. Диван был старый, с продавленными пружинами, но сейчас казался лучшим местом на земле. Подушка пахла стиральным порошком и чем-то сухим, летним, почти забытым.

Последняя мысль перед сном была не о лопнувшей лампочке. О новом соседе. Глаза закрылись, сон пришел мгновенно.

В соседней квартире Виктор стоял у окна.

Свет не включал — хватало уличного фонаря, бросавшего на пол жёлтый прямоугольник, перечёркнутый тенями оконного переплёта. Куртка ещё висела на плечах. Ключи остались на тумбочке в прихожей. За стеклом блестел мокрый асфальт, темнела пустая детская площадка, ряд припаркованных машин стоял вдоль бордюра.

Думал он не об улице.

Женщина из соседней квартиры.

Амина.

Мина.

Руки дрожали, когда она попадала ключом в замок. Пакет оттягивал пальцы до белых полос. Под глазами лежали тени не за один вечер. И ещё запах — едва уловимый, но знакомый.

Озон.

Свежий, как после грозы, хотя грозы сегодня не было.

Виктор стянул перчатку, потянул рукав вниз и посмотрел на тыльную сторону правой ладони.

Руны молчали.

Не светились. Не жгли кожу.

Но там, в подъезде, когда она стояла рядом, одна из линий стала чуть теплее.

Совсем немного.

Как уголёк под пеплом.

Он провёл большим пальцем по старым знакам, и память дёрнулась следом.

Сухая земля. Гарью пахнет так густо, что першит в горле. Низкое небо над горами. Гул вертолёта где-то сбоку. Глинобитная стена под ладонью. Дом, в котором прячутся не боевики.

Семья.

Мужчина у двери. Женщина за его спиной. Двое детей, прижавшихся к её юбке.

Виктор тогда тоже поднял руки — открытые ладони, пустые пальцы, руны на коже. Говорил спокойно. Медленно. Показывал, что свой.

Почти успел.

Потом мужчина дёрнулся. Стена пошла трещинами. Женщина закричала. Жар ударил в перекрытие.

Крыша рухнула сразу.

Виктор моргнул.

Комната снова стала тихой. Чужой ремонт. Чужие обои. Коробки у стены. Собственное дыхание.

Он убрал руку от рун.

Тепло почти ушло, но не до конца.

За стеной что-то скрипнуло — половица или пружина дивана. Потом стихло.

Виктор стоял неподвижно ещё несколько секунд. Потом задёрнул штору, прошёл в комнату и сел на край неразобранной кровати.

Раскладываться не спешил.

Привычка.

Сначала оценить периметр.

Потом обживать.

Он снова коснулся руны.

Одна всё ещё хранила тепло.

Утро покажет.

Глава 2

Через три дня она снова его увидела.

Мина выкатила тележку со свежей выпечкой в торговый зал. Слойки, булочки с корицей, с вишней и хлеб — ещё тёплый, дышащий сквозь бумажные пакеты. Она расставляла поддоны на полке, машинально поправляя ценники, когда боковым зрением зацепила движение у хлебного отдела.

Виктор стоял к ней вполоборота и разглядывал полку с батонами. Тёмная куртка, без логотипов. Джинсы. Свитер с высоким воротом, цвета мокрого асфальта. На тыльной стороне правой ладони, когда он потянулся за хлебом, мелькнула татуировка — несколько символов, похожих на кельтские руны.

Мина их узнала. Такие были иногда на антикварiате, что приносили на починку маме. Живые, ведьмовские. От этой мысли на миг лёгкие сжались, тряхнула головой. Глупости. Двадцать первый век, мало ли какая татуировка у человека может быть. Это ещё ни о чем не говорит.

Одёрнула рукав рабочей футболки. На ткани, чуть выше локтя, белело мучное пятно. Потом она заметила ещё одно — на плече и, кажется, на щеке. Потёрла скулу ладонью и сразу поняла ошибку: ладонь тоже была в муке.

Светлая прядь выбилась из-под косынки и прилипла к виску.

Мина сдула её.

Безуспешно. Досадливо поморщилась, все не слава богу. И вообще чего это она.

— Доброе утро, — сказал Виктор.

Она не заметила, когда он успел подойти. Вздрогнула от неожиданности.

Теперь он стоял в двух шагах, с корзинкой в руке. Там лежали кофе в зёрнах, упаковка батареек, моток изоленты и батон. Обычный, нарезной. От чего-то хлеб не свежеиспеченный кольнул что-то внутри. Никак профессиональную гордость. Мина то и забыла что она у неё есть.

— Доброе, — ответила она. — Возьмите лучше свежий хлеб, только из печи..

— Думаете? — Мужчина задумался, перевёл взгляд на хлеб в корзине.

— Ну, просто. Этот он же ехал… А вот этот, только из печи. Горячий. — Мина зачем-то начала оправдываться и смутилась. Сама не поняла почему.

Виктор перевел на нее взгляд, в уголках губ промелькнул намек на улыбку. Карие глаза смотрели тепло, со смешинкой. Мина робко улыбнулась в ответ и поспешно вспомнила что у нее тесто там и ватрушки надо делать, и вообще дел невпроворот. Поспешно попрощалась и направилась в сторону помещений для персонала. Только уши из-под платиновой косы виднелись розовые.

— Я возьму хлеб и булочки, — донеслось ей вслед голосом Виктора. — Спасибо.

Мужчина взял хлеб свежеиспеченный, пару булочек с яблоком и двинулся в сторону касс, лавируя между тележками. Мина обернулась у входа в подсобное помещение. Проводила его взглядом — ровно на секунду дольше, чем следовало.

— И кто это? — Промурлыкал женский голосо совсем рядом.

Мина вздрогнула, оборачиваясь как ужаленная.

Алиса возникла у неё за спиной бесшумно, несмотря на каблуки, и теперь стояла, глядя в сторону касс. Тёмные волосы собраны в высокий хвост, стрелки — идеальные, помада — красная, а в янтарных глазах чертята с хитрецой. Планшет как всегда, под мышкой.

— Кто «он»? — спросила Мина, хотя прекрасно поняла.

— Красавчик с которым ты флиртовала. Колись, я вся в предвкушении. —Алиса чуть ли не прыгала от любопытства.

— Ничего я не флиртовала! — Мина смутилась пуще прежнего. — И вообще! Это просто сосед, а я… я вся в муке. Да и не до этого мне, у меня слойки.

Алиса фыркнула, сдерживая смех.

— Ну да, как же. Стоит она вся красная.

— Я правда не флиртовала!

Алиса снова рассмеялась, щёлкнув подругу по лбу, та потерла обиженно ушибленное место.

— Сосед значит, — повторила Алиса, смотря в сторону касс, где скрылся мужчина. — И как зовут соседа?

— Виктор. — Буркнула Мина убирая пальцы со лба.

— Виктор, — Алиса попробовала имя на вкус. — Хорошее имя. И на вид красавчик. А какие у него плечи. — последнее слово прям протянула с блаженством, озорно глянув на Мину. — Представляешь какой он может быть хороший любовник?

— Алиса! — Возмущённо воскликнула та от смущения, не сильно толкая подругу. — Да ну тебя, блин!

Алиса лишь звонко рассмеялась, пара работников зала обернулись на звук и тут же решили скрытая подальше. Администратор и в гневе страшна, а веселая и того хуже.

Мина потянулась к своей тележке поправляя шуршащие пакеты с булочками.

— Он просто за хлебом зашёл. Живёт рядом. Ничего такого.

— Да брось, Минчик. Мужик солидный, красивый. Ты вон краснеешь рядом с ним.— Алиса уже более спокойно пожурила подругу за плечо. — У тебя вечно парня нет, так присмотрись. Оно может и как-то приятнее будет. А то сидишь дома одна. Затворница. Да только на работу и ходишь.

Мина досадливо поморщилась, пальцы сами не сильно швырнули булочку в тележке, тут же спохватившись поправила. Вдруг помнется.

— Ты же знаешь. Не все так просто…у меня. — подавала губы, вздохнула. — Я так не могу. И лампочки, ложки… а если… глупости это.

— Может, и глупость. — Алиса пожала плечами. — Но я тебя такой давно не видела. А мы между прочим дружим шесть лет. И вообще. Когда говорю давно, значит очень давно.

Мина ничего не ответила.

Взяла с тележку и пошла обратно раскладывать булочки. А то сбежала акт девица и даже работу не доделала. Достала последний лоток — слойки с повидлом— поставила на полку. Поправила ценник. Проверила ногтем, бумажка держалась крепко, но она всё равно провела по нему пальцем ещё раз, приглаживая край.

— Ладно, — сказала Алиса уже в спину. — Я пошла. Молоко просроченное пересчитывать и прочие радости жизни. А ты…

— Что?

— Не отмахивайся. Подумай. Вдруг всё гораздо проще, чем думаешь. Ты ж не монахиня какая.

Каблуки простучали по плитке и стихли где-то в молочном отделе.

Мина осталась одна между полками с хлебом и выпечкой. В торговом зале гудела вентиляция. Кассирша объявила что-то по громкой связи. Покупатели катили тележки, дети ныли, старушка у витрины с пирожными придирчиво разглядывала ценник.

Мина снова потрогала скулу.

Мука, кажется, всё ещё была там. Вздохнула, поморщившись. Глупости какие. Это Алиска у нас красавица и лампочки у нее не бьются. А она…Вся в муке да и вообще бедовая вечно. Протёрла полку тряпкой, швырнула в тележку да и пошла обратно в свою кухоньки. Где не ходят всякие соседы и не тревожат и без того усталые нервы.

До конца смены она продержалась без происшествий.

Лампочки горели ровно, подносы стояли на местах. Тесто теплое, податливое, приносило умиротворение. Она даже поймала себя на том, что мурлычет под нос что-то старое, забытое, из тех песен, которые крутили по радио лет десять назад.

В шесть Мина отдала смену молодому стажеру в нелепой шапочке, который вечно забывал выключить печь. Напомнила, и снова проговорила правила. Тесто, оно, живое, к нему внимательность требуется. Вышла через служебный, прошла мимо грузчиков.

Дождь опять моросил, а зонтик дома забыла, завтра надо бы захватить.

Посмотрела в темнеющее небо, накинула капюшон и пошла в сторону остановки.

Дома было пусто.

Тишина стояла в комнатах плотная, как вода в аквариуме. Мина включила свет, бросила ключи на тумбочку, поставила чайник. Вскоре вода загудела, и этот звук был единственным живым в квартире.

Потом она открыла холодильник.

Молоко скисло. Йогурт тоже стоял уже третий день после срока. На полке сиротливо лежал кусок сыра, завёрнутый в плёнку, и пол батона — вчерашнего, уже зачерствевшего. Вздохнула, сбрасывая голубой вязаный кардиган на стул, все равно промок. Закатала рукава, бежевой футболки. Сначала выбросила все испорченное из холодильника. Взяла зачерствевший хлеб. Выкидывать жалко.

Сходила в комнату за резинкой, собрала волосы в небрежный пучок. Достала разделочную доску. Добротная, дубовая. Мина ее оставила себе после смерти бабушки. Помнила как нарезали начинку в детстве для булочек да пирожков.

Чайник закипел и выключился с тихим щелчком. Она налила кипяток в кружку. Опустила пакетик. Чай с бергамотом. Отхлебнула, поморщилась, горячий. Поставила кружку на стол.

Вернулась к доске, нарезала мелкими кусочками зачерствевшую буханку, кухня наполнялась хрустом хлеба и стуком ножа о доску. Крошки так и готовились заполнить всю столешницу. Закончила, взяла доску и высыпала все кусочки с крошкой на подоконник открыв окно. Чего добру пропадать. Так хоть голуби и те съедят. Плечи обдало морозным влажным воздухом, поежилась и поспешила закрыть окно. Удовлетворённо кивнула, вернулась к столу, протёрла все влажной тряпкой стряхнула крошки в раковину, оглядела столешницу.

Села за стол, кружка чая стояла рядом, отдавая воздух горьковатым запахом.

Изнутри поднялась досада. Мелкая, липкая, знакомая.

День прошёл нормально, но завтра будет такой же. Послезавтра тоже. Она будет месить тесто, выпекать слойки, менять лампочки, вздрагивать от каждого громкого звука, прятать руки, если они начнут светиться, врать Алисе, что всё хорошо, врать себе, что так и надо.

И так до старости.

Или пока дар не вырвется наружу по-настоящему — так, что уже не спишешь на старую проводку.

Лампочка над столом мигнула.

Мина подняла голову.

Нить накала в лампе задрожала — мелко, противно. Свет стал жёлтым, потом белым, потом голубоватым, как перед тем, как перегореть.

— Нет, — сказала она вслух упрямо.

Лампа погасла.

И не только над столом — во всей квартире.

Холодильник щёлкнул и затих. В коридоре, за дверью, тоже что-то щёлкнуло.

Там свет погас тоже.

Темнота в квартире стояла плотная, подвальная. Ни лунного света из окон — тучи затянули небо ещё днём, — ни огоньков роутера, ни красного глазка телевизора. Всё умерло. Мина

сидела за столом, сжимая кружку обеими руками. Чай ещё был тёплым. Пальцы дрожали — она чувствовала это, но не могла остановить. Ладони стали влажными и холодными одновременно. В носу засвербило, поморщилась шмыгнув носом.

— Тише, — прошептала она себе, голос хриплый. — Тише.

Лампочка над столом не зажглась.

Мина закрыла глаза.

Вдох. Выдох. Медленно.

Как папа учил. “Представь что ты большое дерево, в тихом тихом месте. — голос папы всплыл в сознании, басистый с хрипотцой. — Там где много много солнца, и целая поляна цветов. Наша Мина же любит цветы?”. Теплый голос отца со смешинками и передразнивая разные голоса, дарил тепло где-то в груди.

“Найди опору Амина, и думай только о ней. Все что угодно. Найди что-то настоящее.”

Стол. Деревянный как папа любит, старый, с царапиной от ножа на углу. Мина провела по царапине пальцем. Вспомнила как мама отчитывала ее за неуклюжесть. Это ведь был новый стол. А папа смеялся, по доброму шутя что растет, маленький викинг. Узел между лопатками чуть отпустил.

Кружка. Согревает пальцы. Чай с бергамотом. Вдох. Выдох.

В коридоре за дверью послышался шум. Кто-то вышел на лестничную площадку. Женский голос спросил:

— У вас тоже света нет?

Мужской ответил что-то про пробки.

Шаги.

Хлопок дверцы щитка.

В её квартире темнота осталась.

Свет не вернулся.

Мина встала. Кружка стукнула о стол. Она сделала шаг в сторону коридора и замерла.

— И вот как тут думать ещё и про отношения? — Вздохнула, потирая переносицу пальцами — Вот, что я ему скажу, если вдруг?

Мина поежилась. Пальцы нащупали кардиган на спинке стула. Накинула. Холодно. Всегда холодно, когда дар срывается. В детстве она думала, что мёрзнет от страха. Теперь знала: это магия высасывает тепло из тела и из комнаты. Термометр в коридоре, если бы она сейчас на него посмотрела, показал бы плюс двенадцать.

В дверь постучали.

Мина вздрогнула, подпрыгнув от неожиданности. Сердце колотилось где-то в горле. Цоколь пару раз потрескивал как от старой проводки и затих.

— Амина, — сказал голос Виктора.

Мужской голос прозвучал спокойный. На мгновение в груди совсем немного отпустило, плечи расслабились. А потом пришло осознание. Лампочки. Придется снова врать. В носу предательски защипало.

— У вас всё в порядке?

Она выдохнула. Воздух вышел с тихим сипением, будто из проколотой шины. Мина пошла к двери, в темноте нащупала ручку.

На площадке горел свет — тусклый, аварийный, но горел. У соседей, значит, тоже выбило, но у них уже включилось.

Виктор стоял в дверном проёме, и свет падал на его лицо сбоку: резкие тени, скулы, шрам над бровью стал глубже.

— У вас свет тоже погас?

— Пробки, — ответила Мина. Слишком быстро. — Сбой наверно. Извините.

Он не двигался. Смотрел на неё задумчиво. Босая в темноте, кардиган влажный, видно даже в темноте. Бледная кожа, тени залегли под голубыми глазами оттенка небосвода.

— Я могу посмотреть, — сказал он. — Если хотите.

— Нет. — Слишком поспешно вскинулась Мина и осеклась. — Простите, ремонт давно не новый, часто ломается. Не хочется напрягать вас… извините пожалуйста. — Говорила сбивчиво тараторя, к концу почти шептала. — Я не хотела обидеть, правда.

Мужчина молчал, Мина уткнулась в пол взглядом, комкая вязаные рукава пальцами. Разглядывала тёмно-синие домашние тапочки на ногах соседа.

Тишину можно было резать ножом. Хотелось провалиться сквозь землю. За спиной начала потрескивать лампочка. Мина вздрогнула, сделала пару вдохов незаметно.

Виктор не уходил. Наблюдал.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Давайте так. Если все же решите, постучите в мою дверь. Я поздно ложусь, так что не разбудите. — Виктор, говорил тихо спокойно. — Я рядом, хорошо?

— Я знаю. Спасибо. — Тихо кивнула в ответ.

Он отступил. Но перед тем как дверь закрылась. Повернулся.

— Мина. Просить помощи неплохо. Иногда люди помогают.

Она не ответила, не смогла. Подалась вперед, хотела произнести, но так и не решилась. Слабо улыбнулась и закрыла дверь.

Прислонилась спиной к двери, сползла на холодный пол, обняла колени. Так и просидела до глубокой ночи уткнувшись в собственные колени. Свет в квартире по-прежнему не горел.

Виктор закрыл за собой дверь.

Свет в квартире горел. Он прошёл на кухню и остановился у стола.

Взгляд упал на булочку с яблоком, память сразу подкинула лицо Амины в магазине. Бледная кожа от муки стала почти белой. Голубые глаза на столь светлой коже выделялись особенно, как небо летним днем, тени под ними, хотя еще не было и полудня. И смущение когда предлагала хлеб, а потом убежала. Руки легли на спинку стула. Пальцы сжали дерево — раз, другой, размеренно, как тиски. Виктор смотрел в тёмное окно и не видел улицы.

Она открыла дверь в полной темноте. Босиком. Футболка мятая, кофта явно мокрая, под дождем домой шла, волосы растрёпаны. Пальцы сжимающие рукава. И этот холод он почувствовал кожей, как только дверь открылась.

Это не сквозняк и не осенние морозы. Другое.

Так остывает воздух, когда рядом прошла магия — грубая, стихийная, необученная.

Пробки. Старый ремонт. Ерунда.

Врёт. Почти убедительно — для того, кто не знает, на что смотреть.

Но Виктор знал.

Видел, дрожь в её пальцах. Как дышала — слишком часто, поверхностно, так дышат после выброса, когда тело ещё не поняло, что опасность миновала.

И руны на его правой руке всё ещё были тёплыми. Уже две из них — те, что отзывались на чужую магию.

Виктор разжал пальцы. Провёл ладонью по лицу. Щетина кололась — надо бы побриться.

Надо бы подумать. Ведьма — почти наверняка.

Стихийник — если судить по холоду, озону и свету, выбитому не во всём доме, а вокруг неё. Необученная — по тому, как выброс накрыл квартиру, подъезд и её саму.

Напуганная до чёртиков — тут уже не требовалось никакого дара.

Спешить было нельзя, перед глазами возникло лицо женщины, перекошенное испугом, сменилось обломками дома. Детские руки безвольные под завалом в крови.

Зажмурился, тряхнул головой, отгоняя мысли. Специально переехал в другой город, чтобы забыть. Он не герой, и уж тем более не спасатель.

Перед глазами всплыла ее спина уходящая торопливо в сторону помещений для персонала. Покрасневшие уши из-под платиновых волос в муке.

Выдохнул протяжно, взъерошив волосы пятерней.

— Черт.

Пошел на кухню, открыл холодильник. Достал яйца, масло, зелень. Поставил сковороду на плиту. Готовка всегда помогала думать: руки заняты, голова свободна. Масло зашипело, по кухне поплыл тёплый яичный запах.

Он не собирался вмешиваться. Не его дело.

Ушёл из армии именно для того, чтобы не решать чужие проблемы, не брать на себя чужие срывы, не тащить за шкирку тех, кто даже помощи не просил. Он не хотел снова чувствовать бессилие, когда не успел.

Работал теперь на себя. Жил тихо, не влезал в чужие дела.

Но за стеной, в такой же точно квартире, сидела на полу женщина с дрожащими руками. И у неё не было ни защиты, ни кого-то, кто бы просто включил пробки или заварил чай. Это он чувствовал отчетливо, иначе бы она не сидела в темноте одна.

Виктор перевернул яичницу. Сковорода скрипнула. Отшвырнул лопатку в сторону, яростнее чем хотелось бы.

— Чёрт, — повторил он тихо.

В отделе горел верхний свет — беспощадный, от которого к концу смены начинали болеть глаза. Дмитрий Орлов сидел за своим столом, откинувшись на спинку стула, и читал сводку.

Стул скрипел при каждом движении — потрёпанный, с продавленным сиденьем. Темный галстук был ослаблен, верхняя пуговица белой рубашки расстёгнута. На столе стояла кружка с остывшим кофе из аппарата, рядом лежала смятая пачка сигарет, которую он уже неделю как не открывал, и папка с материалами.

В кабинете, кроме него, находилось ещё двое: молодой оперативник Максим Лебедев, растрёпанные кудряшки, рыжеватые веснушки — так посмотришь, и не полицейский вовсе. Третий час перебирающий распечатки звонков, и старший следователь Сергей Гаврилов — грузный, лысеющий, с одышкой и привычкой комментировать всё подряд и вспоминать былые лихие времена.

— На Восточной опять труп нашли. Ребята говорят, мерзкое дело. — Гаврилов поднял голову от своего стола. — Зверство не иначе. — Почесал макушку. — Сидоренко еще слег. Стареет.

Орлов не оторвался от сводки.

— Зверство обычно оказывается человеком.

— Как слег? — Вскинулся Макс, — это что ж, теперь нам это дело передадут? — Откинулся на спинку стула, брошенная ручка с тихим стуком покатилась по распечаткам.

— Уже, передали. — Орлов поднял папку с края стола.

Лебедев, шумно выдохнул и с силой взъерошил и без того непослушные кудряшки.

— Да мы ж даже на место преступления не ездили! — Возмущенно засопел.

— Ну так съездишь, студент. — Гаврилов хмыкнул. — Тебе после учебки полезно будет, опыта наберешься.

Лебедев что-то пробормотал себе под нос и склонился над распечатками звонков, перевернул страницу.

В кабинете повисла тишина, разбавленная жужжанием старого компьютера.

Дмитрий Орлов хмыкнул, но озвучить мысль не стал. Взял папку с материалами по делу.

Мужчина, тридцать два года. Найден на старом складе в промзоне. Причина смерти не установлена. Следователь нахмурился, пролистал до отчета судмедэксперт. Заключение гла-

сило: « Причиной смерти послужили множественные повреждения, не совместимые с жизнью», но характер повреждений не уточнил и орудия точно не указано.

Орлов постучал пальцами задумчиво по столу пару раз. Профессиональное чутьё подсказывало: непростое дело, хотелось бы ошибаться. Перечитал заключение снова, перелистнул документы до фотографий с места убийства.

Символы на полу. Мел, соль, что-то похожее на сажу. Свидетели — точнее, один свидетель, друг погибшего, — упоминал, что у того была «какая-то старая книга». Якобы ценная, жертва её нашёла незадолго до смерти. В показаниях говорилось, убитый был ею одержим. Орлов перевернул страницу, просмотрел фотографии. Список изъятых вещей: ключи, телефон, бумажник, зажигалка.

Книги в списке не было.

Ошибка, или та в доме убитого? Надо бы проверить и со свидетелем переговорить лично. Но строчка в протоколе сидела в голове, как заноза.

— Лебедев, — позвал Орлов. — Уточни у свидетеля про книгу. Как будет время встречи, сообщи. Вместе поедем.

Лебедев кивнул и сделал пометку в ежедневнике.

Орлов закрыл папку. Допил кофе — холодный, горький. Посмотрел в окно, за стеклом моросил дождь, и в свете уличного фонаря он был похож на косые белые нити.

Мина не помнила, сколько просидела на полу.

Минуту?

Десять?

Холод от двери перестал чувствоваться. Вместо него пришла усталость: тяжёлая, как свинец, налитая в кости. Встряхнула головой упрямо, поднялась. Ноги затекли, пришлось растереть их ладонями, разгоняя кровь. Дошла до щитка, вгляделась в темноте.

Не видно.

Шумно вздохнула, подняв лицо к потолку, развернулась и решительно пошла за телефоном. Вернулась, включила фонарик, нажала кнопки в щитке, подняла рубильник.

Свет загорелся с тихим гудением — тусклый, жёлтый, но живой.

Мина включила чайник, согреться. Он загудел, и этот гул показался ей лучшей музыкой на свете.

За стеклом темнел двор: мокрый асфальт, пустые качели, ряд машин у подъезда. В соседнем доме горели окна. Где-то лаяла собака. Где-то телевизор отсвечивал синим.

Пока закипала вода, сходила в душ, переоделась под гул закипевшего чайника.

Мина заварила новую кружку, с мятой и смородиной — так гласила надпись на упаковке стоящая на полке.

Страх ушёл.

Вместо него осталось что-то другое — упрямое, уставшее. Как будто кто-то приоткрыл дверь в душной комнате. Она посидела ещё немного, глядя в кружку. Потом встала, выключила свет на кухне и пошла спать.

Сон пришел сразу.

Час спустя Виктор вышел на лестничную площадку.

В доме было тихо — только ветер гудел в вентиляционной шахте да капли дождя били по жестяному отливу.

Старая привычка: обойти периметр перед сном, убедиться, что все двери закрыты, что щиток в порядке, что ничего не изменилось. Прошёл мимо её двери. Остановился на секунду. Вернулся к себе. Запер дверь. Прошёл в комнату и сел на край кровати.

Руны на правой руке остыли, провёл по ним пальцем, постоял так минуту. Пошел в комнату, лёг, закинул руку за голову. Потолок был белый, с трещиной в углу.

Он смотрел в него и думал, что завтра надо будет купить лампочки.

Просто на всякий случай.

Глава 3

Утро выдалось пасмурным и серым — такое, когда фонари ещё горят, хотя уже рассвело, и свет у них жёлтый.

Переулок между глухой стеной старого цеха и бетонным забором затянули полосатой лентой.

Дмитрий Орлов припарковал машину у обочины, заглушил двигатель, но из салона вышел не сразу. С минуту сидел, глядя на оцепление: двое патрульных топтались у ленты, оперативник курил у стены, судмедэксперт уже разложил чемодан на мокром асфальте.

Взъерошил волосы пальцами и вышел из машины. Пальто — тёмно-серое тут же покрылось мелкими крапинками дождя. Галстук ослаблен на полсантиметра потому что к концу недели шея уставала даже от ткани. Начальство ворчало, мол, положено затягивать, но пока их нет — можно и так. Под глазами — тени, неглубокие, лёгкая небритость.

Орлов застегнул пальто, достал перчатки — и только потом прошёл под лентой.

Тело лежало в конце переулка, у ржавого контейнера.

Мужчина. Возраст — навскидку между тридцатью и сорока. Обычная куртка, джинсы, ботинки. Ничего примечательного.

Кроме того, что сделали с телом.

— Давно? — спросил он у судмедэксперта.

— Часов шесть-восемь. Может, больше. Холодно, сложно сказать точнее.

Орлов кивнул. Сделал шаг в сторону, присел на корточки.

Смотрел не на тело — на асфальт вокруг.

Следов борьбы почти не было. Крови много, но брызги странные: не такие, как от ножа или удара. Будто тело рвали изнутри.

Поднял голову. На бетонной стене, чуть выше человеческого роста, темнели царапины. Слишком ровные для случайных. Нахмурился вглядываясь в них.

Три линии сходились к центру, образуя что-то похожее на распахнутую пасть. Или проход.

— Сатанисты? — спросил молодой оперативник, тот самый, что курил у стены. Подошёл неслышно и теперь стоял за спиной, заглядывая через плечо.

Орлов выпрямился. Достал телефон, навёл камеру.

— Возможно. Хотя символика странная, те обычно рисуют пентаграммы, закалывая жертву ритуальными ножами.

— А что тогда?

— А вот это нам и предстоит узнать.

Он сделал снимок. Ещё один — с другого ракурса. Убрал телефон во внутренний карман.

Паренёк потоптался ещё немного и отошёл к патрульным — обсуждать, кого опрашивать из жильцов.

Орлов остался один на один с символом.

Провёл пальцем в перчатке по краю царапины. Камень крошился под пальцами. Глубина — миллиметр, не больше. Но линии шли ровно, без срывов. Кто-то чертил их сосредоточенно.

Посмотрел на крошку оставшуюся на пальцах, принюхался. Ничего необычного, бетон, побелка и кирпичный запах.

Стряхнул с пальцев, повёл плечами. Дождь усилился.

Капли застучали по капюшону судмедэксперта, норовя пробраться за шиворот одежды. Орлов поднял воротник пальто и пошёл к машине.

В голове крутился символ — три линии, сходящиеся к центру. Он уже где-то видел такое. Не на месте преступления. Раньше.

В книге, кажется.

Или на старой гравюре.

В машине он достал телефон и открыл фотографию. Приблизил. Отодвинул. Снова приблизил. Так ничего в голову и не пришло, вздохнул убирая телефон и заводя двигатель.

К обеду дождь разошёлся по-настоящему. В окна отдела хлестало так, что стёкла дрожали. Гаврилов ушёл на обед, Лебедев копался в базе, а Орлов сидел за своим столом и смотрел на фотографию символа, которую скинул на рабочий ноутбук.

Экран был старый, с тусклой матрицей. Линии на снимке казались размытыми. Орлов увеличил контраст. Потом ещё.

Три линии, сходящиеся к центру.

По краям — что-то вроде засечек или коротких штрихов. Орлов откинулся на спинку стула. Та скрипнула привычно, родным скрипом.

Потянулся к ящику стола и достал потрёпанный блокнот в мягкой обложке. Это был не рабочий ежедневник — личный, с закладками и вкладными листами.

Мифология.

Греческая, скандинавская, шумерская, славянская — всё, что он собирал с детства. Странное хобби для следователя убойного отдела, но оно ни разу ему не мешало. Иногда даже помогало задавать вопросы, которые другие считали лишними.

Орлов пролистнул страницы. Нашёл закладку с пометкой «Символы перехода». Сравнил.

Похоже.

Но не точно.

Тогда открыл браузер. Набрал несколько вариантов запроса, один тупее другого. Поисковик выдал ожидаемую кашу: ролевые игры, сайты о культах, любительские форумы с чёрным фоном и красными буквами. Пролистывал, не особо надеясь, пока после очередной попытки не наткнулся на старую статью с чёрно-белыми иллюстрациями.

Хеттские печати.

Шумерские цилиндры.

И там — знак, почти один в один.

Три линии.

Сходящиеся к центру.

Проход. Или пасть. Или и то и другое сразу.

— Бред, — пробормотал он.

Нахмурился, постучал пальцем по мышке, но статью сохранил.

Скриншот тоже сделал.

И положил в папку к материалам дела — туда, где уже лежал протокол осмотра и список изъятых вещей.

Список Орлов открыл снова.

Ключи.

Телефон.

Бумажник.

Зажигалка.

Никакой книги.

Но свидетель — тот самый друг, которого уже опрашивали, — упоминал её дважды. Сначала в первых показаниях: «Он говорил, что нашёл книгу». Потом, при визите Орлова с Лебедевым: «Старая. В тёмном переплёте. Без названия. Он её то ли в библиотеке взял, то ли она сама ему попалась — я не понял».

Библиотека.

Книга.

Тёмный переплёт.

— Макс, по первому телу, свидетель говорил про библиотеку. Пробил?

— Пока нет. Думаешь, важно?

— Проверить надо. Пробей и посмотри, не всплывала ли у погибшего районная библиотека в старых адресах, штрафах, читательских билетах, чём угодно.

— Сделаю.

Лебедев тут же начал что-то искать на столе в документах и потом пальцы застучали по клавиатуре ноутбука.

Орлов посмотрел на часы — обед давно прошёл. Кофе в кружке остыл и покрылся мутной плёнкой. Поморщился, вылил его в раковину, пошёл за новым к аппарату.

Кофейный аромат тут же достиг обоняния. Дмитрий стоял у окна и смотрел, как дождь заливает город. Где-то там, на складе в промзоне, остались символы на полу — те, что он видел на фото с первого осмотра. Мел, соль, сажа. Постоял так с минуту. Вернулся к столу. Открыл папку с материалами по первому телу.

Пролистнул.

Вот.

Фотография места.

На бетонном полу — круг, начерченный мелом. По краям — четыре точки. Железный штырь, консервная банка, что-то похожее на пепел. И прямоугольный след в пыли — чистый, нетронутый. Будто там что-то лежало.

Уж больно похоже на книгу.

Орлов закрыл папку. Потёр переносицу. Глаза саднило.

Две жертвы.

Один символ на стене.

Один след от книги.

И ни одной внятной версии.

За окном прогрохотал трамвай.

Допил кофе и потянулся за телефоном.

В гипермаркете день шёл своим чередом.

К обеду торговый зал наполнился покупателями — обычная суета: тележки, очереди, дети, требующие шоколадку у кассы. Где-то в молочном отделе упала и разбилась банка сметаны, и уборщица уже катила туда ведро с тряпкой. По громкой связи объявили акцию на стиральный порошок.

Мина ничего этого не слышала.

Она стояла у печи, вжав пальцы в край разделочного стола, и смотрела на экран телефона, который Алиса сунула ей под нос тремя минутами раньше.

Новость была короткой: три абзаца, фотография переулка с полосатой лентой, заголовок: «На Восточной обнаружено тело мужчины».

Деталей почти не давали.

Но в груди уже стыло — не от текста, а от того, что пришло вместе с ним.

Мина отодвинула телефон.

Ладони стали влажными. Дыхание сбилось — не глубоко, а на самом верху груди, мелкими толчками.

— Страсти какие, ты только глянь! — Алиса нахмурилась заметив неладное. — Ты чего?

— Ничего. Ты же знаешь, не люблю я все эти ужасы! Даже новости не смотрю.

— Знаю что не любишь, но это не где-то, а в нашем городе! — Хмуро кивнула подруга. — Надо быть осторожными, а то не хватало.

— Мне и без этого всего осторожной быть приходится. — Резче чем хотела вскинулась Мина сбиваясь с дыхания и оттягивая ворот голубой майки.

— Ну это другое же! Я же переживаю. Если не покажу ты ж и не узнаешь блин. — Возразила Алиса и осеклась. — Ты нормально?

— Душно… — Прошептала в ответ, опираясь ладонями в стол.

Она не врала.

Ей действительно стало душно.

И холодно.

И запах дрожжей вдруг перебило другим — сладковатым, с гнильцой, как от старых цветов в жестяной банке.

Мина мотнула головой.

Запах исчез.

Осталась только стынь в пальцах и странная, ни к чему не привязанная тревога.

Она не знала, что это было.

И не хотела знать.

Просто вытерла руки о фартук и вернулась к тесту.

— Не хочу я жути. Мне и своей жизни хватает, не люблю я всё это. — Мина стала доставать муку, сахар. Отошла за яйцами.

Алиса вздохнула виновато, подошла к ней потёрла ладонями по плечам.

— Ну прости. Я же как лучше хотела, не обижайся.

— Знаю. — Мина улыбнулась. — Такая уж ты, что поделать.

— Именно! — Подруга расплылась в улыбке, отходя и садясь на табуретку в кухоньке. — Я исключительно любя. Ладно, ужасы обсудили. — сверкнула хитро глазами. — Как там у тебя с соседом?

Мина вздохнула, устало посмотрела на Алису.

— Живёт как жил. Заходил когда пробки выбило…

— О! Я вся во внимании. — Мигом оживилась та, — мне нужны подробности и во всех деталях!

— А нет никаких подробностей. — Пожала плечами Мина отворачиваясь к тесту. — Я его выпроводила.

Из-за спины послышалось возмущенное фырканье.

— Серьёзно? Это не интересно Мина!

Мина отшвырнула скалку поворачиваясь, та с громким стуком покатилась по столу. Сложила руки на груди.

— Да серьезно! Нет, ну а что я скажу? Простите, я не хотела оставлять подъезд без света, просто мне стало грустно и одиноко. Только в психушку не сдавайте а то нечаянно ещё и лампочки поразбиваю ненароком! —выпалила угрюмо сверля подругу голубыми глазами.

Над головой затрещала и замигала лампочка, похожий треск послышался и со склада магазина.

— Вот! Видишь? И вот какие тут отношения а? — Досадливо вздохнула глядя на лампочку.

Алиса проследила за лампочки, вздохнула вставая.

— Я тоже знаю о твоём даре и всё равно тебя люблю. И никаких психушек. Ну да ладно. Не хочешь как хочешь. — уже более жизнерадостно добавила Алиса, задержалась у выхода из кухоньки. — Мне лень искать нового пекаря. Выпей чай пока и передохни.

Мина проследила за уходящей подругой. Угрюмо глянула на лампочку, цоколь в ответ издал тихий треск. Закрыла глаза.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Вроде полегчало, чай все же заварила. Ромашковый. До конца смены продержалась без происшествий.

Доставала противни, смазывала слойки яйцом, выкладывала хлеб на решётку. Руки делали своё, а внутри медленно, как вода в засорившейся раковине, поднималась тревога. Липкая как патока. Мина списала её на новость.

Ну, убили кого-то.

Ну, страшно.

Город большой. С ней ничего не случится. Она здесь, в тёплой кухоньке, с мукой на локтях и таймером, который отсчитывает минуты до следующей партии. Про соседа думать не хотела. Зачем лишний раз надеяться. Потом только больнее станет.

В шесть она сдала смену, переоделась, вышла через служебный.

Дождь кончился, но воздух остался влажным и тяжёлым. В автобусе было душно, пахло мокрой одеждой. Села к окну, прислонилась виском к холодному стеклу и закрыла глаза.

Почти задремала, когда пришло оно.

Не сон. Сначала — запах. Гниль. Сырость. Железо.

Потом — переулок. Тёмный, чужой, незнакомый. Мокрый асфальт блестит в свете одинокого фонаря. Воздух тяжёлый, липкий, будто его можно потрогать руками. У ржавого контейнера — тень.

Густая.

Неправильная.

Шевелится как-то не так. Неправильно.

Форму не разобрать, но есть голод. Мина знает это так же ясно, как знает, что надо бежать. Прямо сейчас.

Ноги не слушаются.

Стылый воздух поднимается от асфальта, обвивает щиколотки, ползёт выше. Липкое пробирающее до костей. Выше и выше. Пальцы закололо морозными иглами.

Мина распахнула глаза.

Автобус трясся по мосту. За окном горели огни набережной. Женщина на соседнем сиденье листала ленту в телефоне.

Ничего не случилось.

Только пальцы онемели.

И стекло у виска запотело изнутри.

Мина отдёрнула голову. На стекле осталось мутное пятно — и пока она смотрела, от него побежали тонкие ледяные иглы.

Медленно.

Как трещины.

Она провела по ним ладонью. Лёд растаял, оставив мокрую полосу.

— Чёрт, — прошептала Мина.

Засунула руки под мышки и до самой остановки не доставала.

На следующее утро Алиса вошла в кухоньку без стука — как всегда.

Мина стояла у стола и раскатывала тесто. Скалка двигалась размеренно, но плечи были подняты выше обычного, а пальцы сжимали ручки с той силой, с какой держат не кухонную утварь, а поручень в падающем лифте.

На подоконнике остывал противень с булочками.

На полу, у мусорного ведра, темнела горстка стеклянной крошки — следы ещё одной лампочки, которая не пережила вчерашний вечер.

Алиса остановилась у двери. Оглядела кухоньку — быстро отмечая детали.

Потом перевела взгляд на Мину.

— Ты спала вообще?

— Спала.

— Врёшь.

Мина не ответила.

Скалка продолжала двигаться — вперёд-назад, вперёд-назад.

Алиса подошла, встала с другой стороны стола. Близко. Так, чтобы Мина не могла сделать вид, что не замечает.

— Что случилось?

— Ничего.

— Мина.

— Устала просто. Плохо спала. Ерунда.

Алиса молчала.

Потом взяла с подоконника остывшую булочку, отломила кусочек. Жевать не стала — просто держала в пальцах, разглядывая подругу.

Мина по-прежнему не поднимала глаз. Под ними залегли тени — неглубокие. Кожа казалась бледнее обычного, а на правой ладони, когда она перехватила скалку, мелькнули серебристые линии — тонкие, как морозный узор. Исчезли сразу же.

— Это из-за меня? — спросила Алиса. — Зря наверное показала тебе новости вчера.

— Это не так. Ты не виновата. Просто впечатлительная, сама не знаю как эта чёртова сила проявится. — Хмуро ответила не поднимая глаз. — Вчера ведение пришло, то ли сон кривой. То ли наследство бабушки опять. Вот и спала плохо.

— Какое ведение? — Навострилась Алиса. — Неужели про убийство что-то видела?

— Сама не поняла. Странное оно какое-то. Гнилью пахнет и переулок, больше и не разобрала.

— Погоди! А ты новости не видела? Про убийство на Восточной, вчера! — Подруга вскинулась. — А если ты ну как гадалка! Видела убийство, может даже убийцу.

Скалка замерла.

На секунду.

Потом снова пришла в движение, но ритм сбился — чуть быстрее, чем нужно.

— Ну какая гадалка? — сказала Мина. — Просто вижу не понятно что, да и только.

— И всё?

— А что ещё?

Алиса отложила булочку. Вытерла пальцы салфеткой.

Подошла ближе и встала так, что Мине пришлось остановиться: потому что Алиса заняла собой всё пространство между столом и печью.

— Мина, а может и правда это что-то важное? — спросила она тихо.

— Да я сама не знаю что видала то! — фыркнула в ответ. — Ну а если видела, то что? Прийти в полицию или упаси боже самой его искать? Это тебе не сериал какой.

Алиса молчала с минуту, а потом вздохнула.

— И то верно. Потом ещё докажи откуда знаешь. Ещё в соучастники запишут. — Она поморщилась, провела пальцами по каштановым волосам. — А искать. Ну уж нет. Пусть специально обученные люди ищут. Зря что ли налоги платим?

Мина улыбнулась узнавая свою бойкую подругу. Взяла булочку горячую с черникой. Всунула ей в руки.

— На, только из печи. Наше дело небольшое, а убийства пусть раскрывают другие.

Алиса фыркнула и улыбнулась, смачно откусив булочку. Зажмурилась от удовольствия.

— Блин, вот у тебя вечно самые вкусные булочки. Я дома как не пыталась, так не выходит.

Мина улыбнулась, вспоминая пару безуспешных уроков научить её печь. Сгоревший хлеб и лопнувшая жаростойкая формочка пали смертью храбрых. Та до сих пор не понимает как подруге удалось это. Вывод был один, выпечка явно не её занятие. Воспоминание было тёплым, плечи расслабились и на душе стало немного легче. Мина положила голову на плечо подруге прикрывая глаза.

— Спасибо, мне полегчало.

— Было бы за что. — Улыбнулась Алиса, погладив ту по плечам. — Закончишь с партией и иди домой пораньше. Отдохни.

Дождь за окном снова зарядил, стуча по стеклу. Постояли так немного. Мина отстранилась взялась за скалку снова.

— Закончишь с партией и марш домой. — Уже уходя повторила Алиса и не удержалась взяла ещё одну булочку с противня. — А это моя награда за то, что у тебя не подруга, а золото.

Мина улыбнулась ей вслед.

Ночь упала на город быстро — по-осеннему, без сумерек. В десять вечера улицы уже были пусты, только ветер гнал по асфальту мокрые листья, а светофоры мигали на перекрёстках.

В окне отдела на втором этаже горел свет.

Орлов сидел за столом один. Лебедев ушёл час назад, Гаврилов — ещё раньше. В кабинете было тихо: только компьютер гудел да где-то в коридоре звучали шаги дежурного.

На столе перед Орловым лежали: фотография символа со стены переулка, снимок круга на бетоне со склада и распечатка статьи о хеттских печатях.

Он разложил их рядом.

Откинулся на стуле. Провёл ладонью по лицу — щетина уже кололась, надо бы побриться дома, отстранённо подумалось.

Три линии, сходящиеся к центру. Там — на стене. Здесь — на полу склада, только вписанные в круг.

Один и тот же мотив.

И книга, которой нет ни в одном списке изъятых вещей, но которая фигурирует в показаниях свидетеля.

Дмитрий не верил в мистику.

Не верил в ритуалы, в магию, в книги, которые приходят сами.

Зато верил в совпадения. Но когда их много — это закономерность. А закономерность зачастую и есть почерк убийцы.

Он взял ручку. На полях распечатки написал:

«Склад — круг — книга — библиотека?»

Обвёл вопросительный знак.

Подумал.

Дописал:

«Символ = проход? Куда?»

Ручка легла на стол.

Орлов выключил лампу и остался в темноте, пронизанной только светом монитора. За окном шуршал дождь.

В другом конце города, в квартире на третьем этаже, Мина проснулась. В комнате было зябко. Окно она закрывала, но от стекла тянуло стужей. За окном горел фонарь, и свет его был мутным, размытым.

Мина села, натянула плед на плечи.

Сердце билось ровно, но где-то глубоко, под сердцем, шевелилось ощущение.

Смутное ощущение, будто в городе что-то дышит. И каждый выдох этого «чего-то» отдаётся в её ладонях стылой тяжестью.

Мина поднесла руку к лицу.

Серебристые линии на правой ладони проступили — тонкие, как морозный узор. Не светились.

Она сжала пальцы в кулак.

Линии не исчезли.

За стеной, в соседней квартире, скрипнула кровать.

Виктор тоже не спал.

Мина посмотрела на стену. Потом легла, укрылась пледом до подбородка и стала ждать рассвета. Полежала немного, повернулась на другой бок, затем обратно. Вздохнула откидывая плед.

Села на диване, растёрла лицо ладонями и пошла ставить чайник.

Утро пришло хмурое, без дождя, с низкими тучами, которые цеплялись за верхушки кранов в промзоне. Город просыпался медленно, нехотя: пробки на въезде, давка в метро, очереди у кофеен.

В гипермаркете Мина уже стояла у печи.

Выспалась плохо, но работа шла. Тесто подходило. Лампочка над головой горела ровно.

Новая.

Виктор вышел из подъезда на десять минут раньше обычного.

В руке — стакан с кофе, в кармане куртки — телефон с непрочитанным сообщением от старого знакомого.

Открывать не стал.

Сначала — дела.

А в отделе Орлов снял трубку и набрал номер городской библиотеки. Той, что всплыла после проверки Лебедева: старый читательский билет погибшего, давно просроченный, но всё ещё числившийся в базе.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Районная библиотека, здравствуйте. Чем могу вам помочь? — ответил женский голос.

— Следователь Дмитрий Орлов, убойный отдел. Мне нужна информация о читателе…

— Ой вы про того паренька из промзоны? — перебила его библиотекарь. — Я как новости увидела, так сразу его узнала! Угрюмый был паренёк. Даже ничего не говорил толком, смотрел на всех затравлено. Он хоть редко приходил, но уж больно выделялся.

— А вы ещё что-то знаете о жертве? — мужчина уцепился за её слова. — Так же в документах числится книга без названия, при обыске книгу не нашли. Свидетель утверждает, жертва была одержима книгой.

— Вы про ту книгу? — на той стороне помолчали и спросила она наконец.

Орлов медленно выпрямился на стуле.

— Да, вы про нее что-то сказать можете?

Ответа он не услышал.

В трубке что-то щёлкнуло, и связь оборвалась. Нахмурился. Набрал ещё раз номер, тишина. Трубку так никто и не взял.

— Да что такое? — раздражённо положил трубку обратно.

Откинулся на спинку стула, взъерошил волосы, взял ручку со стола и на полях подписал: “Библиотека. Проверить лично!” Подчеркнул трижды.

За окном зашумел дождь.

Глава 4

Звонок в дверь раздался в начале восьмого.

Мина как раз выключила плиту и закончила готовить ужин. Замерла с чайником в руке, глядя на дверь. Гостей она не ждала. Телефон молчал — ни звонка, ни сообщения.

Звонок повторился.

Мина поставила чайник, вытерла руки о полотенце на столе и пошла открывать.

На пороге стоял Марк. Чёрный костюм-тройка, весь с иголочки. Светло-русые волосы убраны аккуратно назад, светло-серые глаза смотрели с лёгкой кошачьей хитринкой.

— А вот и ты, — сказал он и улыбнулся той самой улыбкой, которую она помнила с третьего курса: открытой, располагающей. — Проезжал мимо. Дай, думаю, заскочу. Чай есть?

В руках он держал бумажный пакет, логотип гласил название чайной лавки. Изнутри выглядывал уголок коробки. Чай. Дорогой, листовой. И маленькая круглая баночка — кажется, мёд.

— Марк, мог бы предупредить, — сказала она.

— Тогда было бы неинтересно.

Он шагнул через порог, и прихожая сразу стала меньше. Не потому что был крупным — скорее потому, что двигался как человек, привыкший занимать пространство без спроса.

Лицо гладко выбрито. От воротника пальто пахло дорогим парфюмом: древесным, с горьковатой нотой.

Мина закрыла дверь.

— Ты одна?

— Ага. Мог бы предупредить, вдруг дома никого нет. — Мина посторонилась отходя ближе к кухне.

— Ой да ладно тебе, я же знаю твой график. — Отмахнулся друг. — И вообще кто кроме меня, принесёт тебе такой дорогой чай? Неужели не похвалить друга за заботу?

— Извини, ты прав. Твои чаи и правда очень вкусные спасибо. — Смутилась в ответ, отводя взгляд.

— Да, нормально. — Марк улыбнулся мягко с удовольствием сытого кота.

Он уже вешал пальто на крючок. Повесил, поправил воротник, разгладил плечо ладонью. Потом прошёл на кухню первым.

Мина пошла за ним.

На столе всё ещё стояла кружка с недопитым утренним кофе, крошки от бутерброда и открытая пачка печенья. Она машинально сгребла крошки в ладонь, выбросила в раковину. Марк сделал вид, что не заметил.

— Каждый раз поражаюсь почему ты не переедешь отсюда, — сказал он, оглядывая кухню.

— Не у всех зарплата престижного юриста. — Пожала плечами. —Извини, у меня не убрано, — замялась отводя взгляд. — Я как то не ждала гостей.

— Я ничего не говорил. Давай лучше перекусим, а то голодный. — Марк обезоруживающе улыбнулся подходя к столу.

Взгляд скользнул по треснувшей лампочке над столом — той, которую Мина так и не выкрутила: просто вкрутила другую рядом, а эта осталась висеть, с потемневшим стеклом и неровным краем внутри плафона.

Марк задержался на ней на секунду.

Потом перевёл глаза на Мину.

— Садись. Я заварю.

Он достал из пакета коробку чая, открыл, понюхал — с удовольствием, как нюхают хорошее вино. Насыпал заварку в чайник. Двигался плавно, без суеты.

Мина села на стул, поджала ногу.

С Марком всегда было так: он приходил и заполнял собой пустоту, которую она до его прихода не замечала. С ним было легко.

— Ну, рассказывай, — сказал он, заливая кипяток. — Как ты? Как работа? Как твой дар?

Последний вопрос задал тем же тоном, что и предыдущие. Будто между работой и даром не было разницы.

Мина пожала плечами.

— Нормально. Всё как обычно.

— Врёшь.

Он повернулся к ней с чайником в руках, и улыбка стала чуть мягче.

— Ладно, — сказала она. — Пара выбросов. Ничего серьёзного.

— Пара — это сколько?

— Два. Или три. Я не считаю.

Марк разлил чай по кружкам. Аромат поднялся густой, пряный: бергамот, корица, что-то ещё — тёплое, терпкое, почти праздничное.

Он поставил кружку перед ней и сел напротив, положив руки на стол.

Длинные пальцы. Ухоженные ногти. На безымянном — серебряное кольцо с каким-то символом. Не простое украшение: слишком старое.

— Расскажи, — попросил он. — Что произошло?

Мина обхватила кружку ладонями. Чай был горячим, почти обжигающим, но холод изнутри никуда не делся.

Она сделала глоток. Оттягивала. Не хотелось об этом говорить, но в то же время Марк ведь не Алиса. Марк он свой, поймёт.

— Да ничего особенного. Лампочка пару раз лопнула. Поднос упал. — Она замялась, поймала внимательный взгляд друга, словно выпрашивающий. Вздохнула. — Подъезд без света оставила. — тут же вскинулась, — но это не надолго. Всего на пол часа.

— Пару раз за неделю?

— За три дня.

Марк хмыкнул. Не осуждающе — скорее с интересом.

— Чаще чем обычно. — задумчиво протянул, отпил чай. — Может испугалась чего, или тревожил кто? Обычно же не больше пары раз в неделю.

Мина вспомнила новости, ведения. Про то что видела говорить совсем не хотелось.

— Наверное это из-за новостей. — отвела взгляд в сторону, пальцы сами начали теребить хвостик утренней косы.

— Новостей? Ты про убийства? — смотрел на неё поверх ободка. Прищур стал чуть глубже. — Твоя, сила реагирует на них? — взгляд сосредоточенный, изучающий.

— Да нет, наверное, — стушевалась под его взглядом. — Устала на работе, да и страшновато когда такое рядом.

— Ну да, тоже верно. — Марк откинулся на спинку стула, отпивая чай. — Там какое-то мутное дело, я деталей пока не знаю.

— Ага, Алиса тоже новости показывала. Я правда разозлилась тогда.

— На кого? — чуть удивлённо выгнул бровь.

— На себя.

— Это ты часто любишь, зато потом обязательно окно треснет. — Улыбнулся с хитринкой глядя на неё поверх кружки.

Пальцы правой руки легли на стол рядом с её ладонью. Серебряное кольцо тускло блеснуло в кухонном свете.

— А помнишь, как на четвёртом курсе ты опрокинула стол? — спросил он вдруг.

Мина скривилась.

— Не напоминай.

Но Марк уже улыбался, вспоминая как завороженно в аудитории, смотрел. Её конспекты взлетают к потолку, а стул отъезжает сам собой.

Она тогда разозлилась на преподавателя — до дрожи, до серебристых искр в глазах. И стол опрокинулся. Не упал — именно опрокинулся, словно кто-то невидимый толкнул его снизу.

Бумаги разлетелись по всей аудитории.

Кто-то вскрикнул.

А Марк сидел на соседнем ряду и смотрел.

— Тебе было смешно, — сказала она.

— Мне было интересно. — поправил с улыбкой.

— Я была в ужасе.

— Я знаю. Ты была прекрасна в этот момент.

Он перестал улыбаться, но глаза остались тёплыми.

Мина отвела взгляд.

На стене над плитой висела старая прихватка — когда-то красная, теперь выцветшая до бледно-розового. Мина смотрела на неё и думала, что врать Марку сложнее, чем Алисе. Алиса не знала, на что смотреть.

А этот знал.

— В этот раз правда устала, — сказала она наконец. — Сплю мало.

Он помолчал.

Потом протянул руку через стол и накрыл её ладонь своей — коротко, легко, почти невесомо.

— Ты справляешься, — сказал он. — Серьёзно. Я бы на твоём месте уже сжёг полгорода.

— Ты меня переоцениваешь. И вообще меня посадят. — фыркнула в ответ.

— Оценка рисков мой профиль. И если тебя попробуют посадить, то у тебя будет лучший юрист города. — Обворожительно улыбнулся ей в ответ.

— Боюсь моей зарплаты не хватит на услуги столь дорогого адвоката. — Попыталась отшутиться.

— Не переживай. Для тебя, я найду иную валюту. — Его взгляд на секунду стал восхищённым, наблюдая куда-то за спиной девушки, пока та не видела

— Это какую?

— Как знать.

Марк убрал руку, взял кружку, отпил ещё. Тишина стала уютной — почти как раньше, когда они сидели в общажной кухне, пили дешёвый чай и спорили о чём-нибудь до двух ночи.

За спиной у Мины что-то глухо стукнуло.

Она вздрогнула, дернулась подпрыгивая на стуле. Резко обернулась.

На полу лежала банка с корицей — что стояла на полке над столом ещё утром. Крышка слетела, и коричневый порошок рассыпался по плитке тёмной дорожкой.

— Чёрт, — выдохнула Мина, прижимая руку к груди.

Сердце колотилось где-то в горле.

— Я думала, это…

Не договорила.

Марк уже встал, взял с подоконника тряпку.

— Сиди, — сказал он. — Я уберу.

— Она просто упала, — сказала Мина, чувствуя, как щекам становится жарко. — Я не…

— Ага, видимо полка кривая. — согласился, бросив быстрый взгляд на неё.

Присел на корточки и аккуратно собрал корицу тряпкой. Двигался ловко, без брезгливости.

— Видишь? И нет проблем.

Она выдохнула.

Смешок получился нервным, коротким.

— Я чуть не умерла от страха.

— Я заметил.

Марк поднял голову и посмотрел на неё снизу вверх. В глазах плясали смешинки.

— Зато теперь пахнет корицей. Это плюс.

Мина покачала головой.

Но уголки губ всё-таки дрогнули.

Марк выбросил корицу в ведро, вымыл руки под краном и вернулся за стол. Тряпку повесил на край раковины — аккуратно, как всё, что он делал.

— Значит, три выброса за три дня, — подытожил он. — Это много. — Марк взял кружку и покрутил её в пальцах.

— Иногда место становится… шумным. Даже если обычные люди этого не замечают. Кто-то умер. Что-то пошло не так. Появилось напряжение. А ты чувствительная.

— Я ничего не чувствую. Просто устаю.

Он посмотрел на неё ещё секунду.

Потом кивнул — и перевёл разговор на другое.

Но взгляд его на мгновение задержался на мусорном ведре, где среди яичной скорлупы и чайных пакетиков лежал маленький осколок стекла.

Чай допили.

Марк отодвинул кружку и потянулся к телефону, который лежал на столе экраном вниз. Проверил что-то, нахмурился на секунду и убрал обратно.

Мина успела заметить краем глаза: на экране была какая-то заметка. Слишком плотный текст для смс.

В шапке мелькнуло что-то вроде «фол…» — она не успела разобрать.

— Ты что-то говорил про убийства, — сказала она, скорее чтобы сменить тему в своей голове. — Ты в курсе, что там вообще?

Марк поднял бровь.

— А тебе зачем? Ты же такое не читаешь.

— Алиса показала. И вообще, город маленький.

— Город не маленький, но слухи расходятся быстро.

Он откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу.

— Два случая. Один — промзона. Второй — Восточная. Подробностей пока не знаю. Но то что говорят, странное какое-то.

Говорил легко, почти небрежно. Но Мина заметила: пальцы его правой руки чуть сжались на краю кружки.

— Думаешь это как-то связано с дарами? — спросила она.

— Кто сказал?

— Ты сказал. — Мина пожала плечами. — У тебя понятие странное только к дару и относится.

Марк улыбнулся.

— Вот за это я тебя и люблю. Ты слышишь даже то, что человек не договорил.

— Просто ты всегда так себя ведешь если дело в магии.

Он помолчал. Потом всё-таки ответил:

— Был один человек. Не то чтобы мой клиент. Скорее знакомый клиента. Задолжал всем, включая государство, а потом внезапно пропал. Перед этим нёс какую-то чушь про старую книгу. Сборник. Ритуалы. Сила за гранью. Звучит как дешёвый хоррор.

— Его нашли?

— Ага, первый труп в промзоне.

— А книга?

— Не нашли.

Марк посмотрел ей прямо в глаза.

— Ни у него, ни где-то рядом. Будто исчезла.

Мина сжала кружку крепче.

— И что в ней было?

— Понятия не имею.

Он улыбнулся — мягко с ощущением открытости.

— Но если верить таким байкам, в подобных книгах всегда одно и то же: чужая сила, большая цена и человек, который считает себя умнее предыдущего мертвеца.

Мина не улыбнулась.

Ей вдруг стало холодно — не от дара, а просто холодно, как бывает, когда в комнате кто-то произносит слово, которое ты уже где-то слышал.

Во сне.

Или в том обрывке видения, где тёмный переулок и запах гнили.

Марк заметил.

— Ты замёрзла?

— Нет. Всё нормально.

Он взял телефон, встал, потянулся за пиджаком, который повесил на спинку стула. Мина тоже поднялась.

— Ладно, мне пора, — сказал он. — Завтра рано в суд. Но ты, если что, звони. Если опять выбросы. Ну или новости снова так на тебя подействуют.

Мина проводила его до двери. Марк обулся, накинул пальто, поправил воротник. На мгновение задержался в прихожей, глядя на неё сверху вниз.

— Береги себя, — сказал он.

— Ты тоже.

Дверь закрылась.

Мина постояла секунду, прислушиваясь к его шагам на лестнице. Потом вернулась на кухню.

Марк вышел на лестничную площадку и на секунду задержался.

Достал телефон. Экран засветился, высветив заметку:

«Фолиант. Предположительно тёмный переплёт, без названия. Следы после ритуала: холод, гниль, символы перехода».

Он пробежал текст глазами, сунул телефон в карман пальто. С лица сошла улыбка — не полностью, но достаточно, чтобы оно стало другим.

Старше.

Жёстче.

Снизу послышались шаги.

Кто-то поднимался — не спеша, ровным шагом. Марк отступил от двери Мины, поправил воротник.

На площадку вышел мужчина.

Высокий. Широкие плечи. Тёмные волосы, короткая стрижка. Одет просто — джинсы, куртка. Ничего примечательного.

Кроме взгляда.

Спокойного, цепкого.

Такой взгляд бывает у людей, которые привыкли оценивать помещение при входе.

Мужчина остановился.

Посмотрел на Марка.

Потом на дверь Мины, из которой тот только что вышел.

— Добрый вечер, — сказал он.

— Добрый, — отозвался Марк.

Пауза.

Не затянутая, но ощутимая.

— Вы к Амине? — спросил мужчина.

Не «к Мине».

К Амине.

Значит, недавно знакомы.

— К ней, — Марк улыбнулся. — Уже ухожу.

— Я Виктор. Сосед.

— Марк.

Виктор кивнул. Достал ключи из кармана, но к двери не пошёл. Стоял, перебирая ключи в пальцах, будто что-то обдумывал.

— Давно знакомы? — спросил он.

— А вам зачем? — Марк прищурился, профессионально. — Соседи нынче следят друг за другом?

— Это не слежка, беспокойство. — Спокойно парировал тот, — Ничего плохого нет в беспокойстве о соседях.

— Ясно, — кивнул Марк. — Можете не переживать я её друг лет десять уже.

Ещё одна пауза.

Виктор кивнул едва заметно — скорее себе, чем собеседнику.

— Хороший дом, — сказал Марк. — Тихо.

— Да.

— Мина говорила, у неё новые соседи.

— Один сосед. Я.

— Понятно.

Марк шагнул к лестнице. На первой ступеньке обернулся.

— Ну, удачи. Тут спокойно, почти всегда.

Виктор чуть прищурился.

«Почти» повисло в воздухе лишней секундой.

Но он ничего не спросил.

— Спасибо, — сказал он.

Марк спустился.

На лестнице зазвучали удаляющиеся шаги, затем на первом этаже хлопнула дверь.

Виктор постоял ещё немного на площадке, глядя на лестничный пролёт.

Потом открыл свою дверь и вошёл к себе.

Мина закрыла дверь за Марком и вернулась на кухню.

Кружки ещё стояли на столе: её, с остатками чая на дне, и его, почти пустая, только тёмный ободок по краю. Она собрала их, отнесла в раковину. Открыла кран.

Горячая вода ударила по керамике, и пар поднялся к лицу. Мина смотрела, как струя смывает чаинки, и думала, что вечер вышел хорошим.

Марк всегда появлялся вовремя.

Ещё с универа.

Когда она завалила экзамен по гражданскому и сидела на подоконнике в коридоре с глазами, полными слёз, он прошёл мимо, вернулся, сел рядом и сказал:

«У тебя глаза красные, а нос распух. Пойдём, куплю тебе кофе, и ты расскажешь, кто тебя обидел, чтобы я мог его красиво засудить».

Она тогда рассмеялась — впервые за день.

Алиса вот вечно шипит на него: «Ну не нравится он мне! Какой-то у него взгляд… Брр…». Мина улыбнулась, вспоминая. Алиса всегда была такой. С первого дня.

Она появилась в кухоньке ровно в тот момент, когда Мина уже не знала, за что хвататься. Лоток в руках кренился, первая партия сгорела, вторую она переделывала наспех, и полки в торговом зале пустовали уже полтора часа. А ведь это были самые доходные часы.

Начальник смены возвышался над ней, багровый и громкий. Он кричал, что «тут не пансион благородных девиц», что «руки надо иметь из плеч», что она «всю выручку ему срывает». Лампочка над разделочным столом начала мелко подрагивать, и Мина, замерев с лотком в побелевших пальцах, молилась только об одном: пожалуйста, только не сейчас.

— Что здесь происходит?

Голос раздался от двери. Начальник осёкся на полуслове.

Женщина стояла на пороге, придерживая планшет локтем. Высокий хвост, красная помада, взгляд — быстрый, как у птицы, — пробежался по сцене и всё понял.

— Новенькая! — буркнул начальник. — Смену мне срывает! Партию угробила!

Алиса вошла и оглядела кухоньку. Она видела всё: и пепельное лицо Мины, и то, как та вцепилась в лоток, и мелкую дрожь лампочки под потолком.

— Досадно, — согласилась она. — Партию угробила. Полки пустые. И всё-таки, Павел, она новенькая. Ты хочешь, чтобы и эта сбежала из твоей смены? Она и так белая как мука. А ты, когда орёшь, невыносим. Новеньких обучать надо, а не запугивать.

Начальник открыл рот. Алиса уже не смотрела на него. Она взяла его под локоть — крепко, по-хозяйски, — и вывела из кухоньки в коридор.

— Павел, иди. Проверь молочный отдел. У них там сроки горят, а ты тут воздух сотрясаешь. Иди-иди.

Дверь за ним закрылась. Алиса повернулась к Мине. Та стояла, всё ещё прижимая к себе лоток, бледная, с расширенными глазами.

— Ужас какой. Работать с вами невозможно, если вы все героически падаете до обеда. — Она вздохнула. — Не съем я тебя. Со всеми бывает. Садись.

Через минуту перед Миной стоял пластиковый стакан с водой, а рядом лежала маленькая шоколадка. Алиса бросила взгляд на лоток со второй партией.

— Новую уже поставила. Это хорошо. Значит, не безнадёжна. Я Алиса, администратор этого магазина. На Павла внимания не обращай. Он человек специфический, за языком не следит, но ты не принимай на свой счёт. У него тёща такая же громкая, вот он на новых и отыгрывается.

— Но он ведь прав, — затараторила Мина. — Я правда…

— Успокойся, — перебила Алиса. — Первый день. Волнуешься. Партия сгорела — бывает. Увольнять я тебя не буду. Я же вижу: работа нужна, и девчонка ты толковая. А всё остальное приложится.

Она сказала это так просто, что Мина поверила. И с того самого дня знала: если Алиса говорит «не нравится мне этот человек», лучше хотя бы прислушаться. Алиса видела людей насквозь — не магией, а чутьём, которое было острее любого дара. Она чувствовала фальшь, как другие чувствуют запах гари. И Марка невзлюбила с первой встречи. «Скользкий он какой-то», — повторяла она постоянно.

Поставила кружки сушиться, и пошла спать выключая свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.